

**НЕЗАВИСИМОЙ БОЛГАРИИ 90 ЛЕТ
ЧЕСТИТ ПРАЗДНИК, ДРАГИ ПРИЯТЕЛИ!**

№ 5 МАРТ 1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОМЕНА

1912
ВЛКСМ
1968

Проветрив всех стран, соединяйтесь!

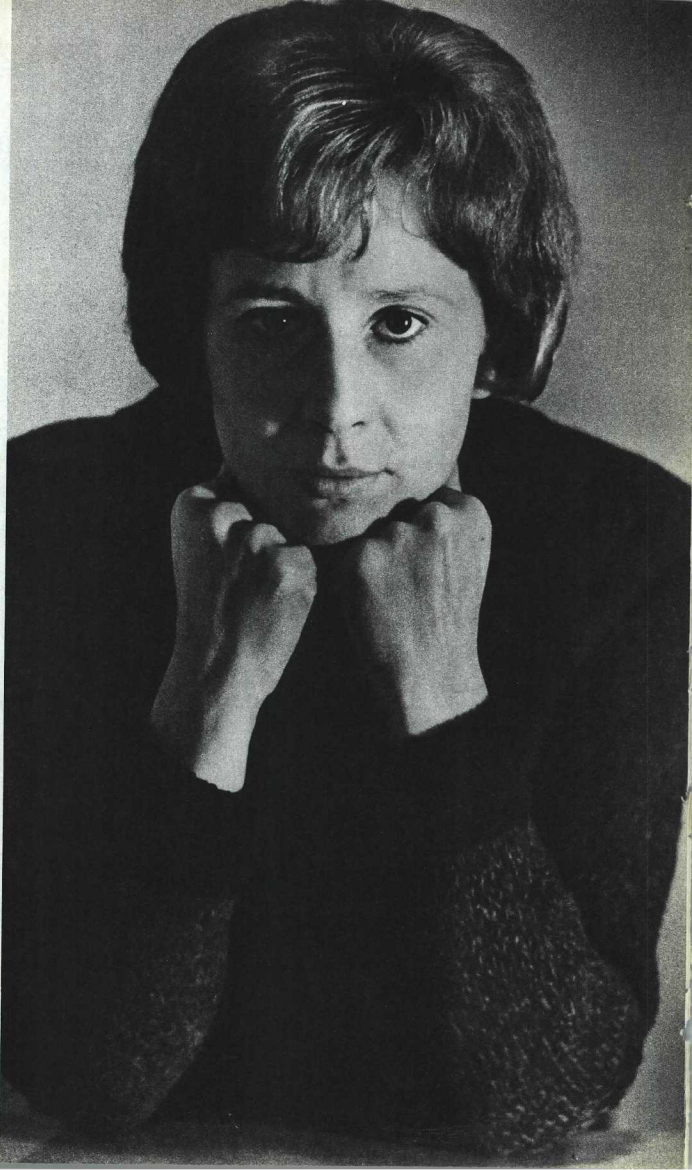
СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания: сорок пятый
Выходит два раза в месяц

1971
5

МАРТ 1968

Специальные корреспонденты «Смены»

А. ЛАВРОВ,

С. ПЕТРУХИН (фото)

ЕЧА С БОЛГАРИЕЙ

Кремиковский комбинат — детище советско-болгарской дружбы.

денным горным склонам. И потом продолжали поход по морозу и снегу, вброд преодолевали бурную Мерику, начавшую вскрываться ото льда.

Теперь тоже был снег, мороз...

И среди многих виденных нами моментов и надробий времени русско-турецкой кампании мелькали при дороге обалски, увенчанные пятночной звездой. Было еще второе освобождение Болгарии — от немецко-фашистских войск. Все это помнится, все это живо здесь. Когда на

проходившем в те дни XI съезде болгарского комсомола весь зал стоя нескончаемо скандировал: «ВКП — КПСС» и «Друж-ба, друж-ба» — надо было быть большим психологом, чтобы безошибочно прочесть на лицах: за этими лозунгами стоят и сегодняшние общие цели наших народов, историческое побратимство.

Мы встречались и разговаривали на съезде и после съезда со многими юношами и девушками. Они были очень разные, и разговоры были раз-

ные, но кончались, как правило, одинаково: собеседники терли сдержанность и принимались спорить, что нам следует посмотреть в Болгарию. Каждый хватал что попадало под руку — листок из блокнота, папиросную коробку, счет из кафе — и уверенным движением, движением художника-монументалиста обводил контур страны, набрасывая линии автомагистралей и проставляя километраж. И начиналось истовое обсуждение маршрута.

— Дае недалю... Мало времени. Дороги закрыты. Ну, ничего, скоро растает. Пока посмотрите то, что близко. Божиява църков. Построена в 1258 году. Обязательно Кремиков-

ский комбинат. Первенец нашей Большой металлургии. Кстати, проектировал его ваш московский «Прометей», и запишите фамилию комсорга работающих и сейчас на комбинате советских специалистов — Ядрешников...

— В воскресенье — на Витошу. Оттуда с фуникулера замечательный вид на всю Софию. А сразу, как откроются дороги, вы выезжаете рано-рано утром и к обеду попадаете в Троян.

— Зачем Троян!
— Троян — центр болгарской керамики...

(Короткая перепалка по-болгарски.)
— Не слушайте его, в Троян надо

ровал, пока мы не сообразили, что речь идет о призраке известной нам лунине! Так, смеясь по поводу «тихого болгарского лунина», мы жили на высоко вознесенную трубу, которую ученый наделял свойствами, что электростатика является делом болгаро-советской дружбы.

День в Софии.
Уже вставшее еще свободный час. Отправляемся побродить — один, без провожатого. Подъезд отеля «Рилва» выходит на улицу «Дар Калозия». Завод к его ступень и бетону прилегают самые маленькие строения — двумя круглыми окошками по феседу — «Хрем с. Николай-дудотворец». Соседство, напоминающее афонские скамеечки, простирается между «Россия» и на Калининском проспекте. А на заборнике храма объявление: «Приглашаю посетить лицико богословского ученого на тему «Космические проблемы запуска объектов в космос».

Идем дальше, читая подряд афиши выставки «Сладкий мир», «Акушерские кадры», «Зеленучу», «Космос обувью», улица «Николай В. Гоголи». Мы невольно улыбаемся, но чувствуем, что, кроме забавных, на наш взгляд, сувениров и омонимий, в этих надписях с мелькающими кода где ятми есть влукцкая сила: они будут в нас квинто-то древние языковые пласты, возвращают и общеславянским истокам речи. «Лявобродница», «Закусальница», «Ризия», «Ризия!» Ну, конечно же, мужские рубашки! «Паризи на писанию — это не искусство», — повторяю. Удру, мы все понимаем по-болгарски! И ядр, — «Ловим «Брыканы». Брыканы сразу сбивают с нас спесь.

Конечно, мы засмотрелись, и заблудились, и начали опаздывать на условленную встречу с молодой талантливой артисткой Виолетой Барвановой. А торопылись, идя по мокрой мостовой Витоши или Русского бульваре — дело весьма рискованное. Ее же знает, как точно называется это место — «Жутица». Мы же, не глядя брусчатка, но она очень красивая и невероятно скользкая. Накроторе веры назад городские власти поспешили бы изменить ее обычным асфальтом. Софрийци заблудившие и отстали свои знаменитые тошноты...

Наши зрители видели Виолету Барванову во время гостевой национальной труппы имени И. Вазова в Советском Союзе. В классической пьесе «Церя Иван Шишман» она играла роль сестры царя Бориса Савислы. Ее героиня жертвует собой — она соглашается стать одной из жен султана, надеясь, что это спасет Болгарию от турецкого ига. В тринадцатом году молодая актриса заслуженный успех. В репертуаре Бахчевановой много русских и советских пьес. Маленькая «Лявобродница», Ирина — героиня ролея в «Третьей» патетической, Глифара в «Герое Бульчине».

— Ментат — спрашиваем мы.
— Сыратч Чекова.
— Общественная обязанность!
— О, очень много! Член ЦК Димитровского Союза молодежи. Депутат районного Совета. Член Национального комитета охраны ценностей Валького Тырнова. Член управления культуры и искусства. И — Бахчеванова лжувало улыбаемся — член национального комитета общества трезвости.

Но и это было не все. На съезде Бахчеванову избрали кандидатом в члены Бюро ЦК Союза молодежи. Темпераментная, думющая, она являла о своем искусстве очень точно.
— Искренности! Это главное, что нужно молодежи.

— Да как ступа. Завод слоботной аппаратуры. Вас встречает секретарь комитета комсомола Константин Караджов. Ходим по цехам, он рассказывает. Завод пущен в 1948 году, в начале телефонов и слоботных радиоприемников. Теперь выпускает несколько моделей телевизоров, промышленные телеустановки, радиоприемники. Завод производит много его продукция вышла на уровень мирового стандарта. Почти треть работников — молодежь.

Смущаясь упомянувшую фамилию — Колева, спрашиваем, кто это. Очень нужен на заводе человек, говорит нам, талантливый изобретатель. Только одно его предложение дело за заводом, и мы с удовольствием соглашались. Просим познакомиться нас. Пока Колева шутит, секретарь партома приглашает к себе. В его кабинете стоял за заслонкой импорт приспособлений для небольшого бынка. Показывать нас прикладот люди, работающие на заводе вместе с советскими специалистами. В беседе с Записываем, что в 1960 году в 100 семеста приходилось 0,2 телевизора, а в 1970 году будет 40. Если мелкие колонки производят арши. А Колева все нет. Живет Бутурболю, разговариваем, ждем Колева. И вдруг выясняется, что молодой человек в сером халате, давно сидящий с кем-то на одном столе попилом, и есть Колева. Минимум наверхлетя упущенное время.

— У вас есть и другие изобретения?
— Да, — отвечает он, словно грустно.
— Какие?
— Разные, — язвко говорит Колева. Пытаемся зайти с другой стороны.
— Вы женаты?
— Да.
— Есть дети?
— Да. Сан. Два года.

Встал из-за стола молодой молчуль Нарочно задаем провокационно-глупый вопрос, способный, кажется, вызвать из себя любого:

— Расскажите, пожалуйста, как вы изобрели керосиновую лампу?

— Я думаю, — тихо говорит Колева. — А вечером сидим с популярными в стране молодым социологом и публицистом Иваном Поповым. Только что вышла и на наших глазах была распродана его новая книга «Идеология. Личность. Ценности». Стремимся в «Паризане» — одном на тех уютных мест Софии, где собираются люди, чтобы пообщаться с друзьями за чашкой кофе или рюмки (не бутылкой) вермута. Многие на такие случаи приходят. Сюда часто «Паризанцы» в том, что здесь исполняются модные песни тридцатых годов. Это имеет успех. Истали, мы с Иваном Поповым, что современная диалоговая музыка почти не имеет поклонников среди болгарской молодежи. Вот Теодоракис предложил нам написать программу.

Иван Попов — блестящий собеседник, зрелый, от неосвиданной импровизации о взаимоотношениях социологии и фантастики он переводит и вопросы социальной психологии, и перспективам развития семьи. Потом разговор переключается на проблемные образования.

Встал уже каждый четвертый, и, естественно, идут поиски новых способов общения. Накануне мы были в специальном научно-исследовательском центре, где проводились его просвещения. Его руководителем, известный психолог Г. Лозанов, с гордостью показывал нам только что разработанную уникальную электронную аппаратуру различных стран мира. Сотрудники Г. Лозанова при помощи специальной методики — не во сне и без гипно-

за — добиваются того, что человек запоминает в день до 150 новых фраз.

— Мы выбрали иностранный язык, — объясняет Лозанов, — скорее всего, французский. Здесь акцент на памятью объективно известна — обычно около 50 слов. Теперь так же метод мы начинаем применять для образования детей.

Попоя — в проблеме образования интересует другая сторона. Исследуя ответы на вопрос: «Существует ли участие молодежи в производстве ее услуг», мы обнаружили, что удельный вес следующий: зависимость ответа от образования. С незавершенным средним образованием ответило 32,8 процента, с высшим — 33,8 процента, с высшим — 18,6 процента.

— Видимо, — говорит Иван Попов, — надо повысить эффективность использования методов специализации и найти способы привести в соответствие складывающиеся у них жизненные идеалы и те реальные обстоятельства, которые им предлагают жизнь.

Этот разговор мы вскоре вспомнили, оказавшись в Рильском монастыре. Но будем рассказывать, как он величав, как живописно расположен в сердце Рильских гор, скажем лишь о том, что поражает больше всего, — это яркая, необычайная оптимизм. Поражает потому, что монастырь был основан в X веке и с тех пор оставался очагом национальной культуры при бесчисленных набегах, разрушениях и его подполье, в том числе, отданных ныне под музей, следы утвари, икон и других экспонатов хранятся древние книги, книги-муниципалитет, древние рукописи, а также как гимн человеческому духу, повешенному пронести надежду и веру сквозь все бесперспективной...

При монастыре есть гостиница, и в ее саду — теплое поле тропинки. Но сейчас засаженными двор, деревянные галереи, купола и стенная роспись — все принадлежит только нам. Однако в этом ресторане нежданно в такую непогоду посетители не выжили замешательства. Появились солидные мени и, ни про одно блюдо не было сказано «нет». Молодежный официант вал обед — ничем не сжаль — на высшем уровне.

Он не прислушался, не угодничал — он заболел о нас, невзначай, но выслушал, и в ответ на наши вопросы: «Вопрос: не радовались ли вы посетителям просто от скуки? Решили вынести наярники. Перница отведать, и выслушал, и в ответ на наши вопросы: «Вопрос: достаточно видно. Звучат его Степан Молодиков. Возраст — 20 лет. Окончил с отличием специальный техникум, любит свою профю, любит добывать знания, занимается спортом, приятным для них тот час, что он преводит за его стол. Никакой неполноценности, «зазорности» в профессии, в семье, в обществе.

Нам потянуло посмотреть поближе, что представлял собой техникум, готовящий болгарского офицанта. Он оказался совсем другим. Практикум, варию объяснения, организацию сервировки. Практика — сначала в столовой техникума, потом в ресторанах, начиная с полудня. Практикум — это постоянное престижа профессии, связанной со сферой обслуживания, никак так твоему. Сейчас, например, при-

числены к звездам Софии девушки из кафе «Бразилия», попросит гозора, бургетницы и кассирши. Они вызывают пристальное внимание телевизора и фотографов, и кисти, стайки-стайки, и даже актеры, и даже, например, выпейте чашечку кофе в «Бразилия» — это искусство.

Забота о развитии сервиса окуляет сейчас в Софии. В последние годы страна бурно растущего туризма. В 1965 году ее посетили 1 300 тысяч туристов. В 1967-м их число перевалило за 2 миллиона. В перспективе — до 4 миллионов. В настоящее время предполагается довести число гостей до 8-10 миллионов в год!

На перекартках Софии стоят столбики с названиями улиц: «Левини», «Афины», «Стамбул», «Буарест». Перехода улицы из «Дамски облак» в «Млано», хозяин торопливо поглядывает налево, потом направо, чтобы не угодить незарученной под машину с венским, белградским или мюнхенским номером. Туризм — в на «Золотые пески» приезают даже те, кто не злоупотребляет спиртными напитками; молодежь стучит вены и шик — пожалуют, но с большим удовольствием она сплет народную легенду.

Мы не видели Болгарии курортной. Мы видели Болгарию будничную, и в ней к нам пригласовали в институт на завтрак. Мы помнили Цветко Андрано, его комсомольско-волево института, познакомит нас с теми, кто планирует завтрашний день. Мы видели Болгарию, которая привели в группу Асена Горнова.

Он стоит в позе полководца и си-не-зелено-зеленого макета победо-реже, занимающего большую ступу, и показывает участок, будущее которого доверено его молодежной группе.

Мы хотим строить, но просто соответственно данному эпохе. Мы хотим выразить дух нашего народа в данную эпоху. Мы хотим слияния архитектуры с природой. Мы хотим, чтобы в будущем столы через триста лет и считались такими же памятниками зодчества, какими являются на нас древние соборы и монастыри.

Рука Асена летит над макетом, и наконец-то мы чувствуем и солнце, и море, и горячий пляж.
— Настенет лето, и сюда со всех концов мира собирается молодежь на своей очередной фестивалю. Фестивальный комитет уже выработывает планы и утверждает программы. Праздник юности идет в ажур. С ним в мир прибавятся дружные и взаимопонимающие, завязуют новые контакты, родятся новые пены.

Когда мы покидали Болгарию, в стране шла подготовка к празднованию Дня освобождения. Были и походы молодежи по местам сражений. И научные секции. И развлекательные спектакли. И съемки фильмов — документальных и художественных. И возмещение венок к памятникам. И развлекательные программы. А 3 марта грянет артиллерийский салют, и залпы его отдадутся эхом над старыми, седыми Балканами.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз в июне 1941 года подняло на ноги всю болгарскую революционную эмиграцию, находившуюся в нашей стране.

В первые же дни войны болгарские патриоты вступили в ряды Красной Армии, в народное ополчение, выполняя свой интернациональный долг. 24 июля 1941 года Заграничное Бюро болгарской рабочей партии обратилось с воззванием к болгарскому народу подняться на борьбу против гитлеровских оккупантов.

В помощь болгарским партизанам в Болгарию было направлено несколько групп парашютистов.

О героических действиях одной из них рассказывается в этом очерке.

БОРИС ФАДЕЕВ

В аудиторной Московского института инженеров связи стоит напряженная тишина. На этот раз перед студентами не преподаватель, а майор, представитель райвоенкомата. Его интересует все, что касается их, майоры спортивного разряда. Есть ли студенты, совершившие прыжок с парашютом? Кто знает азбуку Морзе?

— Разрешите, товарищ майор!

— Говорите.

— Я знаю азбуку Морзе.

— Тогда прошу к доске.

Борис ведет запись текста, диктуемого майором, по знакомому шифру.

— Хорошо. Прошу завтра явиться ко мне.

— Занятия в части шли весь день. Изучались способы связи, новая аппаратура, виды оружия, приемы самбо. Домой Борис приходил поздно и на все вопросы домашних отвечал лаконично:

— Занимаюсь по программе, окончу — уеду в армию.

Борис открывает тумбочку, кладет тетрадку на стол. И снова пошатывает маленькую строчку на длиннованную струнку.

— Вчера получил предписание явиться на полигон. Ехал на эшелитричке. От станции шел пешком. Казалось, журнал в кармане. За дверью появилась автоматская дача с мезониной. Газето-недалеко простучала автоматская очередь. Видимо, шла проверка в цель. Мне встретил дежурный, после проверки документов повел в дом. Кабинет начальника полтора на шаг ушелся картами. Видимо, он знал, что и приеду, и поэтому сразу назвал меня.

Борис Иванович Фадеев? Вы направляетесь в Болгарию для связи с партизанскими отрядами и группами Сопротивления. Рации и ее питание будут слышны на грузовых парашютах в районе приземления. Обращение с оружием и парашютом научитесь здесь. В ближайшее время мы позовем к вам наших болгарских парашютистов. Наша миссия в Болгарии — помочь болгарскому народу, крестному русским солдат еще в русско-турецкую войну. И сейчас мы снова должны помочь болгарским патриотам в их борьбе с немецким фашизмом.

Грудев сидел в мягком кожаном кресле и читал газету. Иногда отрывался, он смотрел на старинные часы и снова погружался в чтение. Густой гудящий звук часов наполнял мелодию органа. Два выскочка часа, выходящих в тенистый, заросший сад, были чуть-чуть прикрыты красноватый занавесками. Цветной ковер на парнете и камни старинного обояника создавали впечатлительный семейного уют. Часы пробил без четверти десять. Грудев встал.

— Выйдем на минутку. Нам назначено ровно в десять, а Стамо и Пенко еще не встали.

— Не волнуйтесь, уверен, что они сейчас придут. Скажи, пожалуйста, кто нас будет приветствовать?

— Представитель Заграничного Бюро партии. К ним, улыбаясь, спешили двое молодых мужчин.

— Опоздали! — спросил Стамо тоном извинения. За его спиной, словно школьник, прятался Пенко. Отвечая на рукопожатия, Грудев сказал: — Еще две минуты, вы получите бы заслуженную. Дисциплина для всех одна. А теперь пошли. Лишних вопросов прошу не задавать.

— Пройдите, вас ждут, — сказала девушка, принадлежащая гостеприимству. Четверг вошел в комнату. За столом, покритым зеленым сукном, сидел коренастый мужчина в синем костюме. Изпод роговых очков смотрели чуть прищуренные серые глаза. Болгавым жестом левой руки Грудев, словно плетя, вкисла неподвижно — он попросил вошедших сесть.

— Я приглашен вас по поручению Заграничного бюро ЦК БПТ. Борба болгарского народа за свою свободу является с борьбой за нашу свободу. Болгарские коммунисты, все патриоты-политэмигранты должны встать в первые ряды борьбы против немецкого фашизма.

Заграничное Бюро решительно направляет в Болгарию многих политэмигрантов для связи с местными организациями партии и активизации действий партизанских групп, ваша группа — одна из первых, остальные прибудут позднее. Командиром вашей группы назначается Грудев. На вас, как и на других командиров, возлагается огромная ответственность. Советский Союз — наша вторая

ТОВАРИЩИ ПАРИЖА

СТАМО КИРОВ СТАМОВ

ПЕНКО ПЕТРОВ МАТИНОВ

СТОЯН ТОМОВ ГАНЧЕВ

ГРУДОВ ФИЛИПП ГРУДЕВ

родина, и мы обязаны вместе с ним рвать об руку бороться против общего врага.

Если все ясно, действуйте. Желаю успеха. Документы, деньги и оружие получите позже. О ротах не волнуйтесь, мы о них позаботимся.

Грудев и Филипп вышли. Приемная была заполнена людьми. Назывались фамилии, шла запись добровольцев. Не было сомнения в том, что готовились крупная операция.

Кто же были эти люди, которым предстояло выполнить ответственное задание? В юные годы они вступили в молодежные организации Болгарии. Ни преследования, ни голод, ни террор, ни ссылки — ничто из них могло остановить их.

Они любили Болгарию, ее народ, красоту ее природы, быт. Они хотели видеть свое отечество свободным от тирании. Они знали: борьба будет жестокой, многие погибнут, но они знали, что на своем не прудут новые борцы. Вот их короткие биографии.

СТАМО КИРОВ СТАМОВ. Родился в 1911 году в селе Цар Аспарухово, шестнадцатилетним юношей вступил в Революционный Союз молодежи, где проявил организаторские способности. В 1932 году Стамо Стамов избирался членом Стара-Загорского комитета молодежи. Активно боролся против капитализма, из-за преследования властей перешел на нелегальное положение, принимая участие в революционной деятельности.

В 1934 году во время судебного процесса в Стара-Загоре, был осужден заочно на смертную казнь. В мае 1935 года эмигрировал в Советский Союз в селе Рачковичи.

СТОЯН ТОМОВ ГАНЧЕВ. Родился в 1911 году в селе Рачковичи. Рано лишился родителей, сам добывая себе средства на жизнь. В 1928 году вступил в Союз молодежи. В 1931 году был избран членом Стара-Загорского окружного комитета. В том же году был призван на военную службу. Организовал в военных частях молодежные комитеты. В 1934 году перешел на нелегальное положение и эмигрировал в Советский Союз. В 1936 году начал гражданская война в Испании, вступил добровольцем в интернациональную бригаду. Сражаясь в Мадриде, был тяжело ранен. После выздоровления вернулся в Советский Союз.

ПЕНКО ПЕТРОВ МАТИНОВ. Родился в 1909 году в селе Орляховица. В 1932 году вступил в Союз молодежи и в том же году был избран секретарем Стара-Загорского окружного комитета.

В 1932 году являлся преследования со стороны властей. Перешел на нелегальное положение. За революционную деятельность был осужден заочно к двенадцати годам тюремного заключения. Эмигрировал в Советский Союз.

ГРУДОВ ФИЛИПП ГРУДЕВ. Родился 12 июня 1895 года в селе Водуляново, Стара-Загорского округа, в бедной крестьянской семье. Участвовал в первой мировой войне. Народом назывался трудящимся и работником, но для широких слоев населения вступил членом Болгарской рабочей социал-демократической партии.

Вернувшись с фронта в родное село, основал

партизную организацию. Принимал активное участие в Советском антияпонском движении. В августе 1923 года в Стара-Загорская округа. За участие в партизанской борьбе арестован в тюрьму и тюремное заключение.

В 1930 году коммунисты села Богуданово организуют первую общинную выборы, и Груев Груев избирается коммунистическим инометом.

В 1933—1934 годах Груев Груев уже признанный деятель партии. Он секретарь района ВКП, а в 1935 году — член окружного комитета.

На крупнейшем судебном процессе в Стара-Загоре в декабре 1938 года за революционную деятельность Груев Груев заочно приговорен к смерти и смертной казни.

В 1937 году он эмигрирует в Советский Союз. В сентябре 1941 года назначается руководителем второй партизанской группы.

Вот они, славные сыны болгарского народа, которых партия призвала в ряды борцов против общего врага — немецкого фашизма. Среди них готовился в опасный рейд и Борз Фадева.

Вечерами, урывая свободное время от военной учебы, Борис записывает в дневник:

«...Этот день запомнится на всю жизнь. Меня сюда везла машина полковника Гординова. В кабинете я застал несколько человек.

Борис Иванович, знакомьтесь, ваш командир товарищ Груев».

Напрямую мне поднялся высокий болгарин в военной форме, худощавые черты лица с тонким, широким носом было добродушным.

Мы болгарские антифашисты — сказали они — рады вашему участию в нашей борьбе. Говорят, искусство и смекалка еще неразлучны сестры. Мы нас славной молодости и поэтому славной смелости. Немножко но нас хвалят, но вы не смущайтесь. У нас будет трудность, но, я уверен, вы с нами справитесь. Борьба с сильным и могучим врагом всегда была трудной. Мы вылетая через два дня.

Но, как говорит болгарская пословица, лучше в могилу лечь, чем рабом стать. Вы человек взрослый, все прекрасно понимаете. Мы вылетая через два дня.

В связи с Москвой устанавливаются позывные «Центр». Координация действий партизанских отрядов будет осуществляться через позывные «Диск» и «Север».

Трудно будет с перелетной переездом. Но мы постараемся вам помочь. Ди — говорит Груев, противная штука, улетишь.

Идеи и стамбулы, а вы думал обо всем. Я понял, что с этой минуты наши судьбы стали неотделимы друг от друга. Это бы ни случилось. Итиш, скоро в путь. Прощай, Москва!»

РЫБИНСК, 1 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА

«Дорогой Борн!

Очень хочу, чтоб мое письмо застало тебя в Мессине. Сидя Солмоновна мне писала, что ты скоро улетишь, и, наверное, дала тебе, так же видно, надо. Вот и я кончу курсы, уеду на фронт. Мы еще не знаем меру той жестокости, которую несет нам немецкий фашизм. Но, судя по первым сведениям Совинформбюро, Гитлера можно считать с дешевой собакой.

Сильно страдаю от принесе другим народам! Мне думается, что только наша Отечество способно попомать ему ребра.

Не удивляйся грубости моего стиля. Сейчас, как никогда, обманены умы людей. Наша молодость должна смотреть на вещи, и я, простая девушка, не отстою от нее. Далеко порой кажется, что превратилась в халдею философа.

Мой дорогой! Как я хотела бы увидеть тебя, узнать с тобой ну-ка-никуда на лодке далеко-далеко или уйти в лес! Иногда я думаю, пошто, кто ты для России и кто она для тебя, — нет выше и благороднее желания.

Очень хочется пошлу тебе, не уезжая бы из города. Оставь его по стоянию, буду в Мессине — заберею тебе не сажу, пошлу тебе, она перешлет мне.

Как тебе, по добной, надеюсь на твою харизму — сильный, упрямый...
Через, мы обязательно встретимся после войны. Ох, как меня будет! А вообще волюшка за тебя крепко, не сердись, такая я кисля.

Обнимаю, твоя Галка.

7 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА, МОСКВА

«Дорогая Галка!

Получил твою посылку. Малы, что не упустишь перед отъездом. Если все будет хорошо, думаю, и Новый год встречать, как и ты, в Мессине. Но, думаю, меня за все. Что делать, я стал рассудительным но по возрасту. Мне всегда казалось, что я — что-то юный в немцах, что не сражался. Ты мне нравишься, я это не скрываю. И если бы война, я бы отдал бы тебе по-настоящему, но, конечно, по возможности друга нашел в тебе. Когда я вернусь, я и сейчас тебе напишу, надеюсь, ты узнаешь, не могу, прости меня, понапустит, не могу: слова будут не те.

Найду тебя в опасности, и мы все должны выйти на ее защиту. Будешь в Мессине, зайдя и в Риме, в Авиньоне, Салоничи, и цитируй, ты получишь все горячий привет, всем-всем, кого увидишь. Помнишь, у юстра Меньша Чельшева читал как Манюшков?

Для всеяга планета наша малю оборудована. Надо испытать радость у трудных дней.

В нашей жизни умереть не страшно. Сделай жизнь значительно трудней.

И Староста села.

Там вот, Галка, чтоб сделать явную, надо отстоять жизнь. Кривые думы, не избывая друзей, пошли на Оберозовскую, там наш центр связи.

Обнимаю тебя, твоя Борн».

Самолет готовился к старту. Перед вылетом стало известно о прибытии второй группы партизанстов под командованием Атанаса Дамьянова.

В нем вошли молодые болгарские коммунисты Димко Астафков, Илья Минчев и Иван Кочев. Радистом группы был назначен одноклассник Борис по институту Волода Чернов.

— Говоришь, летим! — приветствовал друга Волода.

Волода хлопнул его по плечу.

— Летим, дружище! Такую практику жизнь поднес, ни в одном институте не получишь.

Оба группы выстроились у самолета. Майор Гордиенов задал приказ. Самолет легко оторвался от земли, сделал круг над сосновой рощей и рстался в глубине синего неба.

Тонительно шло. минуты. Еще раз повторил про себя паролем, имена друзей, их адреса.

Прозвучала команда: «Приготовьтесь и прыжками!»

Сброшены пакеты с боеприпасами, парашют с рацией. Ночь тиха и прохладна. Бескрасная равнина потонула в тумане. Парашютисты встали в открытый лок прыгав Груев, за ним остальные.

При падении Груев ударился о камень. Он пытался подняться, но не смог.

Помогая идти командиру, парашютисты добрались до рощи. С востока неуловимо надвигался рассвет. Дальнейшее пребывание здесь было рискованным.

Обсудив обстановку, парашютисты решили двигаться на юг под покровом Лидогоро. Отыскав на Бориса, тяжело ступал Груев. Вышли на проселочную дорогу. Груеве становилось хуже. Сделал привал. Кругом было тихо.

— Смотри, смуглый друг! — вдруг крикнул Борис. Спрева к роще двигались немцы. Груев схватился за автомат, выстрелил.

Командир приказал отходить. Борис и Пенко выжили от огня. Груеву удалось избежать безрезультатности атаки, немцы привели из села группу крестьян. Солдаты, прычась за спины крестьян и подталкивая их прикладами, медленно приближались к роще.

— Вести прицельный огонь, в крестьян не стрелять! — приказал Груев.

Огонь снова обрушился на рощу. Тяжело ранен Сидя. Сидя показал, что он убит, как отстреливался Борис. Ранен Стало. Стенбул, Сидя, сбрава последние силы, он дает очередь из автомата. Над рощей стоит густ дым, застилает деревья.

Груев, Мартинюв и Фадева продвинулись на новые позиции. В воздухе стоял гуд непрекращающейся стрельбы. Несмотря на раны, трое продолжали упорно сражаться. Но слишком неравны были силы. Враг отстреливал каждую лодь земли.

Поддерживая командира, отстреливался Борис. Погиб Пенко Мартинюв. Прижимались к черной траве, замер Груев.

А фашисты все ближе. Все тело скимается из колды. И когда до врагов остались шаги, Борис выхватил из-за пояса гранату.

— Коммунисты не сдаются! крикнул он и подорвал себя. Так приняли смерть герои — четверо болгар и один русский.

Восхищение и безграничную признательность вызывает эти жертвы у каждого болгарина. Подвиг парашютистов пробудил волну народного гнева против германских и болгарских фашистов и усилил симпатии к Советскому Союзу.

На месте погибших встали сотни новых бойцов. Героический пример вдохновил и дел новых героев вооруженному сопротивлению болгарского народа — так писала газета «Работнический делю» — орган ЦК Болгарской коммунистической партии — оценивая героический подвиг парашютистов в день его 25-летия.

Неслышимо течет река Камчия. Тихие реки уходят от нее влево и вправо. На светлой поляне стоит палаткин, сложенный в честь бесстрашных парашютистов. Их имена дорожи и священные Содоа часто приходят пионер-школаи из юного села Паскалево. Они кладут к подножию букеты живых цветов и в минутном молчании отдадут деле памяти тем, кто сражались здесь, — братьям по духу и крови — болгарам и русским.

Маяя БОРИСОВА

ОБРАЩЕНИЕ К СИБИРИ

Поддавай ли ничтожному событию,
Своей ли огорчусь неправотой,
И снова память оплеску Сибирью —
Прозрачной и дымящейся водой.
Протаял, пахнет, летиток на снеге!
И что же, память, ты покажешь мне!
Тяй! Машоны, ставшие на розды!
Стелющийся день, назвавший нечетерь!
Тановый полдень за окном возле.
С кудлатым парком, быющим из щелей!

Укладку шпала и чей-то крик:
«Погрейсай!»

Иazole но упавшую стелю,
Или закати-ровые рельсы!
На сиенем глазуразованном тегу!
Но нет, иной сюжет твой подкасив:
Тановый полдень за окном возле.

Дорога. Стень. И старая заваска
С веселой зыноукой лет семи-восемь.
Бее стужо, зимнине тепло
Годым было согнута в дугу.
И в уже желтом, сморщенном
блестела

Булавка, замечавшая серу,
И выглаженную редкостную брону.

Понуклым, как давнее жюнье...

Аида ФЕДОРОВА,

лауреат премии
Красноярского зоомосола

Любят не эза что,

в вопреки.

Вопреки себе, другим — напротив.

Вот за что люблю я этот профинь

и движные нервные руки!

Вопреки рассудку, вопреки

мудрствованию, вопреки

возрослому эхпльте.

Говорили: глупое занятие

слушаться в полудне звонки.

Но протрпеобертство выше сна,

выше ваших класмешных советов.

Если выйдет на воду луня,

как один ты расшифруешь это!

На воде луна — как вопль реки.

— Лучик лучше б, чем такова пустошь!

Любят не эза что, в вопреки.

Любят не эза чем, а потому что.

В просторном цвете
цветы бычьей крови
Она была.

И пахло от нее
Дымком, и пылаем, и асфальта кислой.
И треплет по ветру клоки волос.
Спросила я:

«Как выйти и Верх-Аскизку
И девочку перевела вопрос.
Старуха мне ответила подробно
Опять посредством внуки озорной,
Потом, плечом мое легко потрогая,
Сказала:

— Сядь, поговори со мной...
Тогда ее о немзи я спросила
И оказалась в курсе многих дел:
Ученья дочки, давней смерти сына,
Колличества зерна на трудовые.

Должна была сама сизать при этом,
Чем занимаюсь, где моя родня...
А девочка голышанка прилежно,
И перевод ее не затруднял.

Найти в словах
и близких и далеких
Такое сочетание звучит.
Чтоб в нем и узкая дорога,
И теплые касание к плечу,
Дела нмных и грусть о погребенном,
И чтоб при этом

быть могло оно
Степным, полубочивым ребенком
И поэтой и переводчицею.

ПИСЬМО ФРЕДЕРИКУ ШОПЕНУ ПО ПОВОДУ ДЕРЗКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕГО МЕЛОДИЙ

Шопен, полонез — это полонез
полонез и длинный,
Еще это полонез, пыльные полонезы
и снег...

Шопен, полонез — полный неги,
меланхолический, старинный,
Медлительный танец, спользанный,
как самим во сне.

И вдруг!
Полонез искажают современные
ритмы!
Разбиты хрустальным бокал и
садовый вазон.

По лоткам, ухабам, по кромке
болотистых рытвин
Летит, грохоча, зыбывающийся диний
вазон.

Девочки привычно, привычно
крутят ногами,
Они наслаждаются танцем, как
детство — игрой.

Шопен, полонез — покрывало, как
музы соткали...
О, как они лихо пустили его на
раскрой!

Зачем покрывало,
и чему оно нам, покрывало!

Купальный костюм, две полоски на
теле ногам,
Чтоб тканю хватили на асф.,
чтобы кожа пылала,
И пол раскаленный, как пляжный
лесок, под ногой!

Зачем покрывало, раз мир разобчен
и развенчан,
И счастье угаено, как леденец
за щечкой!

Ты прыгай и слушай,
воршиха, ничейный разведчик,
Чтоб лишним предметом не завянул
мешок вещей...

Над мрамор гремят, куварируются
шейки и тельсти,
Гремят, сплоскаясь о корин традиций
и вер.
Шопен, полонез — это дуб,
неоглядно ветвистый.
Они посягнули на малую, ивникую
ветвь.

Отдай ее, про обиду и мечь
не подумай!
Пусть режут игрушки, балушум
дубовые бьют.
Но строгий рисунок, фантуру
столетнего дуба
Их уши нащупают,
резвые души поймут.

Они удивятся: веселье — куда
подевалось!
В обитанных ритмах
откуда возникли углы!

И Вам же придется накинуть на них
покрывало,
Чтоб, маленьких, их от знобичих
прозраний укрять.

Творенье творю — вроде старшего
взрослого сына:
Всегда он отлучный, пропавший то
с вестью, то без...

Со сцен ускользнувший,
забывший про шаг свой гусиний,
Бессмертен и полон повелеости
Ваш полонез.

Мы часто жертвем собой,
взамен немногого получая,
час откровенья,
чашку чая,
пол-ложки соли —
и долей.
И все же предел тому придет:
увы, терпение истощимо.
Из погорелости и дыма

Я говорю
легко и образно.
Я так живу,
Я так хочу.
И вдруг из Новгородской
области
Письмо.

И все.
И я молчу,
Куда непереочность кинула!
Куда неселье унеслась!
Мир надо мною
замер каменном,
И слово потеряло власть.
А после — с головами да на ноги —
Пошла такса курьерша:
Я вдруг,
как бы родившись наново,
Вблизи увидела дома,

лжи гневный
мстителя градег.
За жертву
жертвой отплачу,
утрату оплачу
утратой.
И только то
пребудет свято,
чем жертвовать
не захочу.

Клянки посухен
над подъездам,
Звонки травмаев на кругу,
Луны,
как согнутое пезане
Косм, затерянной в лугу.
Я так на это
странно глянула:
Вчера мертвое,
а нынче — вот.
Мне эта обаянность
главного
С тех пор покоя не дает.
Иначе впаду
свет и облачность.
Иначе плачу и смеюся
И очень верной
остаюсь
Письмо
из Новгородской области.

И так всегда:
когда старт мне дан,
Хочу ли, не хочу,
Я, как в кармае,
ныряю в «АН»,
И вот уже лечу,
И вот уже лета, тгущу
О той весне,
о той,
И память ничточной
тащу

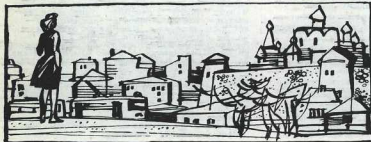
Не ходи но мне весною —
Ходи осенью.
Не гляди на меня колом —
Гляди россыпью.
Не у брда
ты нищ меня —
У проруби.
Жить — не жопи,
а полжизни
Вроде прожил.

Однажды видела я
тундру,
Когда она перед весной,
Полема нежной новизной,
Дышала сказованно
и трудно.
Быль горизонт
над нею стыл,
И был еще невесел вереск,
И ты уже невесел был,
Хоть в эти проводы
не верил.
Начало поезд и трясло,
Молчало все вокруг
и мерзало,
И тело белое березы
Сквозь белый саван
пероросло.
Секунды сыпалась:
вот так
Песок меж пальцами сочитяся.

За тонкую иглою.
Но иммо,
милмо
Все, о чем
поезд,
грустим,
молчим,
И только выжется узлом
Твой путь
с путем моим.

Оглянусь:
мое — не ваше,
Так уж водится.
Говорят,
не всяк, кто важен,
В людях гондится.
Это и узнаю после:
Ты ли нужен мне.
Говорят,
не всяк, кто возле,
Суженный.

Мне угадать бы,
что случится,
Я ж не спешила
снять мушкет.
И вот ладонь моя
чиста.
Черта:
нас разделить
несложно.
В иллюминаторах
тревожимо
Гудит и стонет пустота.
...Наплывы дальнего
остры:
Костры угашине
все греют,
Слова уплывшие
все реют,
Друзья умершие
мудры.

С членом-корреспондентом АН СССР
А. Н. АЛИХАНОВОМ беседует специа-
льный корреспондент «Смены»
Тамара Илатовская

Несколько десятков лет назад в «Смене» появилась статья двадцати летней давности Государственной премии членом-корреспондента Академии наук СССР А. Алиханова «Что такое космические лучи?». То были дни физиков напряженные и счастливые годы, полные надежд, радостных предчувствий, молодого упорства. Микромир словно демонстрировала перед исследователями неисчерпаемые свои богатства за протоном и электроном, последовали нейтрон, позитрон, крошечный нейтрино и фотон, и наконец, как грибы после дождя, повалили многочисленные семейства мезонов. Кажется, открытием не будет конца. Лаборатории трудятся, каторжники и окрылены.

«Самые волнующие загадки природы заложены в устройстве ядра атома», писала Алиханова. — Космические частицы играют важную роль в исследовании строения ядра именно потому, что они позволяют узнать природу частиц, из которых построены ядра. Последние работы экспедиции по изучению космических лучей, работавшей под моим руководством в горных районах Армении, привели к открытию новых простейших частиц вещества, которые мы назвали варитронами. Многие физики склонны думать, что атомы как раз и представляют собой «яйца», которым скреплены частицы в ядрах атомов...»

Это было как взрыв. Многие годы считалось, что состав космических лучей уже известен. И вдруг месс-спектрометр на Арагате показал множество новых частиц. Открытие было шедевром. «Слишком шедевром», думал Алиханов и тщательно совершенствовал приборы. Впрочем, конец этой истории, которую один называет блестящей, другие — трагической, я доскажу потом.

«Сейчас появилась надежда на то, что нам удастся найти подход и научному строению частиц, которые до сих пор считались элементарными, простейшими. Это одна из новых задач науки, решение которой принадлежит будущему». Эти слова были сказаны двадцать лет назад. И теперь, встретившись с Алиханов-корреспондентом Академии наук А. Алихановым, я спросила, насколько приблизилось будущее, о котором он говорил.

— Если вы спросите, чем я сейчас живу, что волнует меня больше всего, о чем я мечтаю, как о вечной юности... Впрочем, давайте начнем вот с этой фотографии. — Артемий Исакович показал мне длинноглазую и длиннонолую деву из камня. — Это наша Арус. Красавица, но правда ли? — Я юнхула. — Семь лет назад мы вынули первый ковш земли, чтобы построить ей дом. Таких красавиц в мире всего три: Арус, немецкая Дизи и американка, пока без имени. Есть еще Ина в Англии, но та полюбилась — на 4 миллиарда электрон-вольт, или, короче, «эв». Наша Арус — на 6 миллиардов. Скульптура Арто Чахмамчяна — эмблема ускорителя. «АРУС» — армянский ускоритель, «ДЗЭи» — немецкий электронный ускоритель. Абсорбаторы составлены из начальных букв официальных названий синхротронов, с некоторой подгонкой — чтоб получился женское имя. Вот на фотографии, за плечом Арус — каминный стол. Это Вишак, бог воды у древних армян. Пятдесят метров и тысячи лет разделяют Вишак и Арус.

— Артемий Исакович, зачем электронный ускоритель на шесть миллиардов «эв», когда есть уже более мощные, протонные?

— Один предпочитают «Индизараути», другие — немцы. На научном языке это значит: можно исследовать одну и ту же проблему параллельно. Пейзаж электронных красавиц появи-

лась недаром: элементарные частицы можно изучать с помощью и протонов и электронов. Когда протоны, например, обстреливаются протонами, происходит бегот гигантов, в которой участвуют все ядерные силы. Электроны же почти в две тысячи раз легче протона и не имеют ядерного заряда. Как бы рассанкался на протоне, они по-своему «продуцируют». Потом, «охлажда», уходят, унося с собой информацию о его строении. Мы уже знаем, что протон не так прост, как казалось: имеет дуновидное строение — три слова. В общем, термин «простейшая частица» физики употребляют теперь осторожно.

Я спросила, почему тогда электронные ускорители появились только сейчас.

— Еще совсем недавно просто не верили, что можно ускорить электрон. У него, видите ли, есть дурная привычка — давать синхротронный эффект, проще говоря — терять о магнитное поле ускорителя, расстреливая накопленную энергию. Лишь несколько лет назад наука научилась «доставлять» электрон до очень высоких энергий.

Представьте себе намеру сечением метра на десять сантиметров и длиной метров двести гиттардват. В ней высочайший вакуум — миллионная доля миллиметра пустого столба. В этот вакуум с линейного ускорителя врывается пучок электронов с энергией в пятьдесят миллионов «эв». Начинается бешеный гоним, из которой электрон должен выйти «миллиардом». Единнадцать тысяч раз проносится пучок по колыску — пробег как от Еревана до Болотова. Направляют частицы мощные электромагниты, «подталкивают» резонаторные каверлы. Быстрее, быстрее, быстрее! Это сравнивают с раскрученной пружиной. Точность должна быть корабельной: тысячные арсты, доли микрона — любой отклонение разрушительно. Наша «АРУС» родилась семь лет. К концу строительства от нас остались одни тени: когда собирались на совещание, кто-нибудь обязательно засыпал за столом.

вину в землю. Кто знает, может, следующий шаг снова уведет его в космос?

— Я не собирался на Арагач— начал рассказывать Артемий Исакович.— Тогда, накануне войны, и подготовки экспедиции на Памир: на горах в космических лучах частиц в десятки раз больше, чем на уровне моря. Все уже было упаковано: одежда, продукты, прибор—когда началась война. Отто Юльевич Шмидт отговаривал меня подниматься на Памир. Большая часть экспедиции состояла из ленинградцев, а Ленинграду уже приходилось туго. Продукты раздали. А я отправился в Крестный— бороться с немцами на магнитными минами. Потом нас, физиковцев, перевели в Москву, а оттуда в Казань. Эвакуированный— не очень серьезная фигура для науки. Я захватил экспедиционные ящики и, сплавившись по Волге в Астрахань, пробрался к себе на Кавказ. В сороч втором году наша группа впервые поднялась на Алагез— с громадными проказами и строгим указанием в случае прорыва немцев действовать как горный партизанский отряд. С легкой руки Орбели ученые звали нас «военно-космической экспедицией». На следующий год мы поднялись снова. Потом еще и еще. Три тысячи двести пятьдесят метров— не очень-то легкая прогулка, если учесть нашу поклажу. И все-таки нам удалось поставить неплохие эксперименты. Раньше считалось, что космические лучи состоят из электронов и позитронов, позднее к ним прибавили мезоны. Мы нашли третий компонент— протоны, их оказалось довольно много. Это всегда существовало для науки о быстрых частицах.

А после войны, когда мы продолжили свои «космические» работы, началось эпопея с вакуитронами.

С помощью уникального по тем временам масс-спектрометра мы заметили, что, кроме известных уже протонов и яно-мезонов Андреева, в космических лучах есть и другие частицы, массы которых приближались к 300, 500 и 1 000 масс-электронов. Началась инкорпорация, своеобразный физический Клондайк. Не переключили ли это внутряпервой энергии, предсказанные Юлиусом? Идея существования новых частиц, движущихся в тысячи миллионов километров в секунду, оказалась плодотворной. В конце сороч седьмого года англичанин Пауэлл обнаружил след неизвестной частицы с массой около 400, нареченный им пи-мезоном. И все же многие физики были по-прежнему убеждены, что новые частицы, особенно с массой 1 000, должны быть столь недолговечны, что не могли бы пробыть данный путь в Адагачском масс-спектрометре. Наши эксперименты ставились год за годом. И лишь когда была установлена время жизни пи-мезонов, стало очевидно, что они-то и регистрировались в нашем приборе. Еще больше пришлось догадываться с частицей, масса которой 1 000. На Солвейском конгрессе Нильс Бор сказал, что его удивляет не то, что существуют нестабильные частицы такой большой массы, странно то, что они столь долговечны. Впоследствии, когда английские физики «засканили» в Фотопластинках титаловую частицу с массой 1 000 и назвали ее К-мезон, сомнения возникли снова. На Арагаче нам удалось увидеть остовую и распады К-мезона. Было доказано, что, как ни странно, эти частицы в самом деле сравнительно долго живут...

Артемий Исакович рассказывал, а я пыталась представить себе, что должен переживать Ученый, который стоит на пороге огромного открытия и не может убедиться в нем в своей правоте. Пи-мезон и К-мезон были открыты англичанами, хотя именно на Арагаче впервые усилили легкую поступь двух знаменитых частиц. Чтобы пережить такую горечь, нужно мужество. Те, у кого его не хватает, очевидно, уходя из науки или приспосабливаясь ее к своим потребностям и продолжают служить при науке, перестав быть учеными.

Я спросила, что важнее для исследователя— удачливость или умение стойко переносить неудачи.

— Удач случайных в науке не бывает,— ответил Артемий Исакович.— Везет тому, кто работает, особенно тому, кто хорошо работает и больше всех тому, кто хорошо работает и одарен талантом. Бор был удачлив! А Ферми Самыми судачливыми были Эйнштейн, Ньютон и Резерфорд.

Нелосудок я напомнила Артемию Исаковичу, что в начале нашего разговора он обещал сказать, что волнует его сейчас больше всего.

— А разве я не сказал? Конечно, электронный ускоритель на пятьдесят миллиардов электрон-вольт! Представляете, как поведет себя гамма-кванты при таких энергиях!..

Григорий ГЛАЗОВ

РАССКАЗ

ВОЗВРА

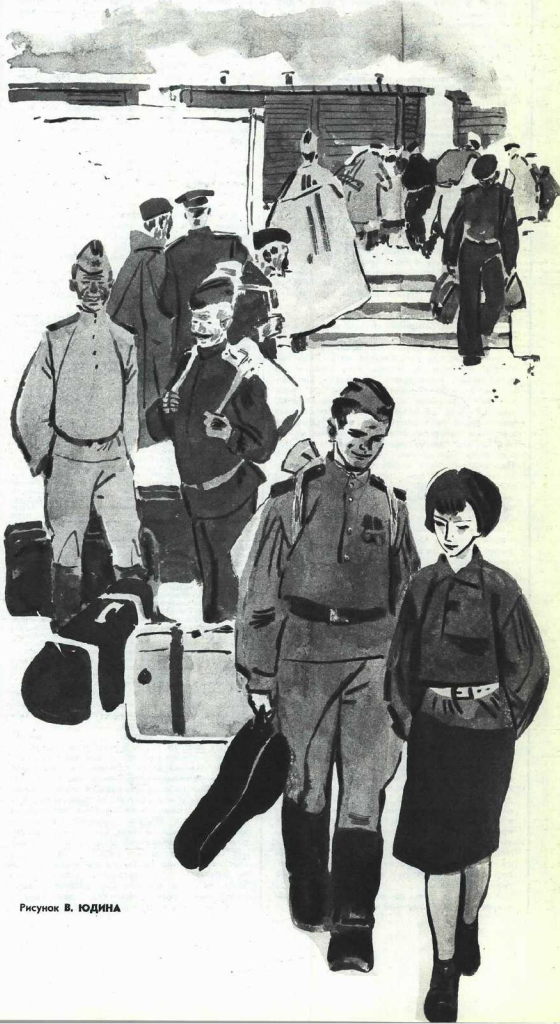

Рисунок В. ЮДИНА

ВНЕШНЕ

двинул дверь, вавангазую ржавым роликом, а словно снял четвертую стену раздерганной телушки. После ночной духоты, круто упитанной мажорским дымом, лето а ситно выдыхает восточный воздух, жарким и почти забытым мажорным запахом железной дороги, идущие от нагретых рампы сплошная шпала и потешливый щебеки по краям колеи.

Отшел дилшин. Паровоз едва тапает его, пыхит на под колесах, выталкивая вихури черной дым, медленно и неохотно глущидую в июньское небо. Бесшумный растворит в себе сивую, он целенаправленно телеграфные провода.

Я сижу в бричках, в помещенной от многих стрижки натуральной рубахе, смешав с вагоном босые ноги. Поезд идет медленно, и я вижу каждую травинку вокруг, каждое темное пятнышко мотылька, вытекнувшего из бумсы. Осторожный ветер залезает за плечу, рубаха то надувается, то опадает, словно кто-то живой дышит там. Боже, сколько людей до меня носило эту рубаху! Какие они и где они? Но этого мне никогда не узнать. Теперь я последний и, видимо, вечный ее владетель: с прочим бельем мне вручили ее дородная тетка Фима — кастелянская хозяйка. Было это две недели назад.

Бойна окончилась, и я еду домой. Обидно только, что не из поля, а из госпиталей, куда я попал в конце апреля. Рука еще болит и плохо разгибается в локте. Врачи сказали, что повреждена суставная сумка, пообещали, что со временем все наладится. Заваливаю рукав и смотрю на сияний, бургом, прам с гландой плавающей молодой кожей. Поезду мне везело сиять. «Грей на солнышко», — сказала сестра из перевалочной.

Под вагоном что-то звякает. Оно звякает все ночь. Но тогда я этого не замечаю. Притертый солнцем, я лежимо сползаю в медленную мельничую, сползающую, вездесущую дугу, крадущуюсь, как на оси, в сторону нашего шивона. Тяжкие перелески, неапатитанные ула, поля, сплошное простроченные ровными зелеными стежками. Людей не видно. За все время дороги я видел покуда лишь две негорющих хаты и козу, безразлично невзрачную в гляди черна болотце.

— Эй, Андеев-вои! Смотри, выдремели, вывазидились. Ноги уймй, под колеса утравидиши! — Это меня окликает Емельян Петрович, демобилизованный солдат, сосед по вагону. Он старше меня вдвое, хитроглазый хамелеон и пристрастен, все время меня поучает. После Ольшанского в телушку нас отсылали трое. На рассвете почти все сошли на пересадку: кому куда — страна большая. А мы вторым едем дальше: я, он и хмурый танкист по фамилии Валюнта, полусоток пробывший в плену. Ночью он замаяил в полдень, где сидел, часового на фольклорный ула, убил его куском ула и бежал. Немцы не успели ни обхватить его, ни собрать награды — четыре ордена и три медали, — видимо, решили отложить это до утра, до первого допроса. Говорит Валюнта мало, все ходит по телушке, переизвонно потривая медальки, и курит. Иногда только, шумно сползнув на пол ошукор и растерев его сапогом, обращается к Емельяну Петровичу:

— Слышь, ездовой, попуурт у себя в судучиде, может, там чего выпить есть? — Он все время называет Емельяна Петровича «ездовым», а его красивый профейный челюдак на ремнях — «судучинов».

— На ездовой я. Скажало тебе об этом было. Второго номер я в пулеметном расчете. А выпить — так мне и дома есть с кем.

На этом разговор кончается, и Валюнта молча уходит на свое место на ваху. Одну половину вагона заминают наскоро ящики, обитые листовым железом, другую — вешала наша часть: наши досок, всплывнуто покрытых брезентом, под ним свесив свое.

Валюнта говорит, что демобилизовали его несправедливо, что в плену

ну он был всего полусоток, даже убил часового, сохранил все свои документы и награды, что поедет он в Москву жаловаться? — Валюнта отвечает: — Я так и не понимаю! Это моя работа. Все он — Валюнта кивает на Емельяна Петровича, — будет локте вырывать да лупонки плести. Ты-то учиться пойдешь? — спрашивает он. Я киваю, что учиться я еще не собираюсь и вообще не думаю, чем займусь после войны. — А я танкист. Попробуй! Это моя работа. Это мое дело. Валюнта из кузова ставит на вагончика самодельную алюминиевую ложку, черенок ее заканчивается фигуркой пышного дураски, и начинает натирать ложку кусочком мелкого наждака, хранившегося у него в кармане гимнастерики.

Я содрал язык, когда сказал, что меня демобилизовали, потому что мать стара и болеет, а в один сикс. Мне просто было стыдно, что, зловольный парень, я в двадцать два года уже получил документы на инвалидность. Справна эта лыскада в бурьяннике, сплетенный из куска дерюжки, сродного с сиденьем добитого мотоцикла дивана.

Поезд пошел еще медленнее, загибая на колесе так круто, что из нашего вагона в центре состава я вижу далеко вперед паровоз, остереванно, но как бы влозистую вертливую колесами, и позади — последние три платформы, а за них самолеты без крыльев.

Наконец у самолета мы совсем остановились. Я втянул гимнастерику, спрыгнул, сбился с откоса и повалился в чистую траву. У моего лица, как поволочку, вытянулись олуванчик, а у другого, видимо, следованного мяно, из долающего стебля сочилась белое молоко. Я вспомнил, что оно горькое.

Ни о чем не думалось, ничего не надо было делать. Можно было двигаться, а можно было и не шевелиться — все по моему желанию. Бойка копилась. Поезд мигал все досок. В вагонах слышались крики. Но я отыск от того, что они нужны, платить было не за что: я обут, одет, по-солдаты сят разными концентратами. И от такого состояния безответности меня зымали лишь тихий солнечный мир, зеленый от травы и основного цвета, начинавшегося на желтоватом фоне буря; белый, словно замолванный, лотчик дневной луны; стовый далеко черный паровоз с красными колесами, как вродых, сопевший перед самолотом.

— Ну, чем, друстишь, победил? — услышал я голос бесшумно подошедшего Емельяна Петровича. Он присел на корточки, видимо, боясь испачкать о зеленые новые армейские штаны. — Дома-то знаешь, что ты вертаешься?

— Нет, не успев сообщить. Да и не нужно. Так приятней, знакопри. — Я сел на траву и начал думать.

— Тоже правду, — сказал он. — Что ж, едешь не как-нибудь — героем! Вои! — Слово звешиваю, он внял на локтем две мои медля «за отвагу». — Так что не грусти. Немцы, небось, косом за тобой ходят. В кобу все мы до востребования ждем.

Я покаялся глечам.

Он задрал голову, промывая глазами юрки стрижки, и я увидел напрягущую мускулатуру шеи в лабиринтах малых морщин, запомнившихся мне в детстве в знойные дни. — Хату у нас попоследок пошел ладный: и капля гребная тебе и салце. Сахару voluto, винничко тоже было. А баты в этом деле тоже понимаю. Видат — раз мунжию каручет с правно, значит, кровь в нем черкуи идет. Эй, ты! Вернись, небось, поперевел. — Мне в августе scorso восемь стукнет, а все начный сначала. Все дочиста сожгли. Кто и есть сейчас? Уже не холиян, а погорел.

И я вспомнил, что перед сном он нарядный раз раскрывал чемодан и под перекут колес: вопрос — ответ, вопрос — ответ — перекладывал с места на место его содержимое. А были в чемодане — это мы уже знали — набор старюканий и сесарных инструментов: долотца разнокоз хавилора, драль с черным выемком сверл, румчье тачетон, фуданг с красно-голубым клеймом фирмы «Штресер-Берке». И еще смазанное маслом, аккуратно спеланное тонкой шуршачей бумагой.

Емельян Петрович вынул локтею рядом со мной, устроив тяжелую согнутую руку на лбу, будто защищаясь от чего-то. Я думаю, что все сонат, а он не имеет никакого отношения. Во-первых, я не женат, вторых, у меня нет новости. Я начинаю вспоминать девочку из нашего класса, но все как-то путается у меня в голове: их лица, фигуры, характеры. О людях я точнее вспоминаю, когда вижу привалежало им вешу, потому что с этими предметами связаны какие-то конкретные случаи, а иногда и события. Но сейчас, разглядывая в памяти нашу квартиру, я вижу лишь свои анималоды на полочке в чулане, пахаты счета на гвоздике в кухне — стальные проволочные стрижки, на которых висели различные круглые косячки, прочтуть, я детстве я любил кататься на этих счетах по полу. Выше наше пианно, мамин пианно, на нем — толстые котные книги, там в черном тяжелом переплете «Школы Фейера». Часть из них маме подкладывала на стул, когда приходила, а все учебники на маленьком столике, прочтуть, я детстве я любил кататься по перекор пальцев пробегала по клавишам, сплошное прожудая их к работе. В одной из басовых октав на «ля» не было белой костоци, клавиша череза заасохшим клеом. Это костоци случайно отбыла Лядус, уронив подсевок. Она училась на скрипке, а мама ей аккордывариру.

Вот разве что Лядус...

Мать аставляла маме прожоват Лядусу после вечерних уроков мунзык. Мы шли через двор, на нас смотрели.

— Почему ты стешневаша? — спрашивала Лядус. — Ты же знаешь, что я живу далеко. — В одной руке она несла футляр со скрипкой, в другой — черную сумку с нотами и нотным шелковым шифром. На пальце ее отстнуто круглобое кольцо Бетховена.

— Я не стешлася. Идем быстрей, — говорил я, соворачивая к проложу в заборе.

лионту на стационарном вагоне. Рядом с нашим шишоном стоял порожний санитарный поезд. У вагонов вертелся несколько врачей и медсестры. Вскоре раздался громкий стук дверей. Длинные панносы на красных коробках и жели разогорелись до огня, а о каких-то не очень понятных мне делах мирной тыловой жизни. Я и с интересом толкался среди них, никто не обращал на меня внимания. И тут волею последнего вагона я увидел знакомую медсестру из госпиталя и я легла в сон, не успев пожать кому-либо руку.

— Здравствуй, встреча! — обрадованно сказала я ей.
— Здравствуй! — ответила она.

— Смотри, на повышение пошла — уже сержант. Давай, давай! — сказала ей. — А уже домой поговоришься. Ты теперь здесь работаешь? — крикнул я на санитарный поезд.

Ее подруги рассмеялись.
— Да он просто спирту хохот, Аня, — сказала одна. — Не видишь, что ли?

— Ты хочешь спирту? — спросила Аня.
— Дай мне наркомовскую дозу, Аня, — вменялся красноречивый старшина с медалью «За боевые заслуги» на новой диагональной гимнастерке.

— А тебе какое дело? — сощурился я на старшину. — Валий в свою катерку потяжки считать.

Мне не хотелось объяснять им всем, что просто обрадовался знакомому человеку. Я махнул рукой и отошел. Я слышал, как Аня сказала своим подругам: «Наверно, обомлелась. А я не обомлелась, а даже знал, что она родом из Чимканта. Хотел крикнуть ей об этом, но шишон наш тронулся, бежать некуда. Валиноту было поодино, и я двинулся к своему вагону».

Валиноты не было. На нарах, подогнавая, сиделко жался его вешком. Емельян Петрович пересчитывал пакетики с иголками.

— Зря я ему товар дал. Надо бы проверить, что у него в мешке. Поможет, документы какие, так начальнику шишона сдам, — сказал он и окинул взглядом наряды.

— Чего ртылся в чулок? На станции командунт снимем. Он обязательно туда обратится. Куда же еще? — возразил я.

Всю ночь был велик бег стоек. Валинота дотрянул шишон на рынок. Прискакивал он на паровой булке. Вез в загод как ни в чем не бывало, руки и лицо в угольной пыли, тонкие губы застыли, на скулах худого лица черные потеки от пара. Содрав со стиральной проволоки шлем, свинул его на нары, вытащил из карманов две бутылки розового сапожника.

На, слышь, возьми. — Он протянул бутылки Емельяну Петровичу. — Вилку, всего ночь не спал, убьют иголки. — Танкист разделся до гола и выскочил из вагона. — Эй, мальки, ну где плесни! — крикнул Валинота кочегару на соседней нарахе. Кочегар вынул из кармана бутылку, провела была прямая струя. Кочегар засмеялся и отверг трубу на голое Валиноту. Тогда важдо ударила его в висоты, разблелся о спину, а он, пригнатовывая и корчась, тер голову, грудь, ноги. Затем выстал бирин и гимнастерку в одних желтых сапогах, отороченных распухшими на нарах, одетый в вымокшие сапоги, сивачный бровей и ресниц.

Мм слы слы завтрак. Самогон был вонюч.

— Что ж ты, брат, за хороший товар берем, не звать! — спросил Емельян Петрович, маякая злея в кружку с самогонкой.

— Ну и дурак! — оторчался Емельян Петрович. — Я б тебе на эти сапоги побое дал. А за так в жизни ничего не прибудет.

Вскоре бутылки опустели. Емельян Петрович заворачивал в белые тряпочки и мешочки остатки заправки. Валинота, услаждавая, курила, лежал, раскинув руки.

Съезжу домой, недельку-другую отгуляю, а там — в стогину доберусь правды. Так, мол, и так. Эх, и ладут мне новую тридцатьчетверку! — подоберя, мечтал он. — Думанье, не поверять!

Лерки хваста гире, Емельян Петрович. — Война кончилась. Теперь вера по другому стию пойдет.

— Не бабалон. Бм с тобой реч веду. — Валинота повернулся в мою сторону. — Мне не такое доверли. Десант наш в тылу у финцев выручить ходил. Двумя машинными двинулся, а такого наворотили им, как будто батальон прошел... Должны дать, как хулеешь? Я ж танкист, помнишь...

— Конечно, дадут! — сказала я. Мне очень хотелось, чтобы ему дали новый хат.

На мой об тонбой, так это? — удивился Емельян Петрович, поменялся и начал голубой. — Кончилась война. Теперь мм, цивильные, в разговор вступаю. Не слушай ты его, — обратился он ко мне. — Жизнь по другому кругу пойдет. Первоначле еще туда-сюда повешнич своими медалями, а потом поутюжишь, прииспоще тебя. А ты не орнись и сая не подстраивай потюжонку. Глядишь, и в гору пойд. Не стесняйся!

— Наши побили в гору, — сказала цыган, увидя повешенного брата. — Валинота сел. — Что ты понимаешь, эсоловы? Ты хоть ра в танке сидел? Тебя качает, ты смотришь в прищеле, а на тоби «пантера» прет. А ты ей в дих бокашкой — р-р-р! Бажажтегелам — да! Горит, сволочь!.. Вот что, друг. — Он подобрал колени к подбородку. — Главное в оставшейся жизни — помни: кем был, откуда назад, докуда дошел. Сперва человек, потом на колесках. А будешь подстраивать — сам себя сидишь. При этом еще и улыбаешь научат. А ты лопни себя. И не стесняйся!..

— Не стесняйся! Сколько раз обращался ко мне с этой фразой! И Лидус, и Ивань тогда в военкомате, когда мм стояли голые. А теперь ее говорят мне Емельян Петрович и Валинота. Каждый вкладыва

в нее свой смысл. Может, так и создается путаница, усложняются отношения, люди перестают понимать друг друга, судят об одном и том же так по-разному, что со стороны иногда трудно смешать.

— Бахмелев, я начал думать, решил, что со всем этим надо разобораться как следует. Мой дом уже был близок. А Германия осталась теперь где-то далеко. То, что горело в красном дыму, наливающимся от пламени, искр и горячего ветра, то уже догорело. На домах, например, остались наши подбиты, потому и зачехм мы пришли сюда, — штыком, гвоздем или куском древесного угля с их же пепелищ.

Поезд миновал последний стационарный семафор. Уже я видел водочкачу и градирни городской электростанции, над ними висел пар. Показались высокие тополя, серебрило итравные плотными листьями. И снова — это перрон, с которого я уехал так давно, так давно, как будто это было в другой жизни.

В вагонах считались условно. Здесь саживались на пересадки почти полсотенки. И, видимо, поэтому вокзал был торжественно украшен транспарантами. На одном красном полотнище писалось: «С возвращением, дорогие победители! Слава вам всегда с нами!» Наполненность вагонов была необычайна. Я ощущал в вагоне уют, вспоминал по спину и, паририваясь через рельсы, протягивалась мей солдат, густо смянувших к перрону, заселенный к выходу. Я помнил: там, за побеленными изметстой домком уборной, за кубовой с надписью «Кипяток», служебная калитка, ведущая в общежитие проводников, и приколоченная плащаница.

А плотная толпа, вымывавшаяся на теплушке, торопилась, раскидывалась и спотыкалась перла к перрону. Гимнастерки, сукати, вешмашки, сумки, фуражки, шапки. Все было в беспорядке.

И вдруг со стороны перрона, сверху возмущенный галдеж, гуд, крики, смех, сопение, расплывавшие над головами людей, я услышал музыку. Марш. Играя оркестр, и я обрадовался, вспоминая тот красивый военный оркестр, промывавший как бы фронт. И тогда, свернувшись, отскочил к перрону вместе со всеми, мм захотелось снова увидеть этот оркестр, дирижера, внешне дюже пылалые левой рукой сминавшего очки. Но чем ближе подходила я, и тем громче звучала музыка, тем больше мне казалось, что в игре оркестра нет той густоты, инструментальной насыщенности: оркестр оказался почти опавшим, утратив бравурные мелодии тарелки, а труба, брав высокую ноту, на самом вершю вдрут слыла, словно самое звуче просачивалось воздух. И еще странная вещь: в разреженных звуках медленье марша прослушывались голоса скрипки, мандулины и виолы, несмотря на то, что исполнял марш.

Толпа остановилась. Дальше напрямк была некуда: впереди — адные вокзалы и оркестр.

Я попытался продираться еще хоть на метр, все время вскакивая в пыльную фуражку, выделываясь из толпы. Но не удалось ни шагу вперед, но мне так сдавило большую руку, что грудь и живот покрывались противно теплым потом. Удалось лишь несколько раз приподняться на носках. И тогда я увидел оркестр. Странный оркестр: трубоч в сером сюртучике, фуражечке и белом шарфе; барабаны в черной форме; одна сторона, я помнил его, три пядца из ФЗО в черной форме — двое дум на альтах, третий на баяне; наш пионероркестр Коста — в тельняшке под пиджачком, один глас пересажив черной лентой — был одной рукой и с белым шарфом; один — другой — по тарелкам, укрепленным сверху. И — Лидус! Со скрипкой!

Я дернулся назад, выдирая из толпы свой мешок, просколел бегом мимо кубовой в служебную калитку и вылетел на перрон уже из другой калитки. Теперь я стоял в пяти шагах от оркестра, сбоку. Я видел Лидуса. Она была такая же худенькая. На верте сплел, но по просторной спецовке возмывалась ее тонкая шея. То же смуглое лицо, узкое, с точечной родинкой меж лгских и высоких бровей, та же правая, единая линия лба и носа. Кроме спецовки, что-то еще менило ее облик, делало старше. И я понял: косы. Вернее, их отсутствие. Она была подстрижена. Глаздо, без завитушек, и коротко: волосом колючился на уровне смуглых пухловатых щек.

Пострелом толпа стала редеть. Кто куда: к билетным каскам, в буфет, к поезду, к плацдарму — на плацдарму.

И тогда Лидус увидела меня и опустила смычок. И мм покчалась, что оттого, что умолкла скрипка, оркестр заврал скучнее и враболовнее.

Здравствуй. Ты сейчас приехал? Этим знакомое? — спросила Лидуса, когда я подошел и взял ее за тоненькие запястья руки, державшей смычок.

— Ну да! — Я улыбнулся, показывая ей вешмашку. — Здравствуй! Лидус дернулся. — Где ты? — спросила. — Ты куда? — спросила. — Ты куда? — спросила. — Ты куда? — спросила. — Ты куда? — спросила.

— Ты смотришь дум на друга. Лидус что-то торопило зовила в моем лице, словно была, что такая возможность коротка и сейчас кончится вовсе вместе с этой торжественной, светлой и, может быть, единственной минутой встречи после такого возвращения. Мне было приятно, что она так смеется.

— Почему же ты не писал? Ты стеснялся? — спросила Лидус.

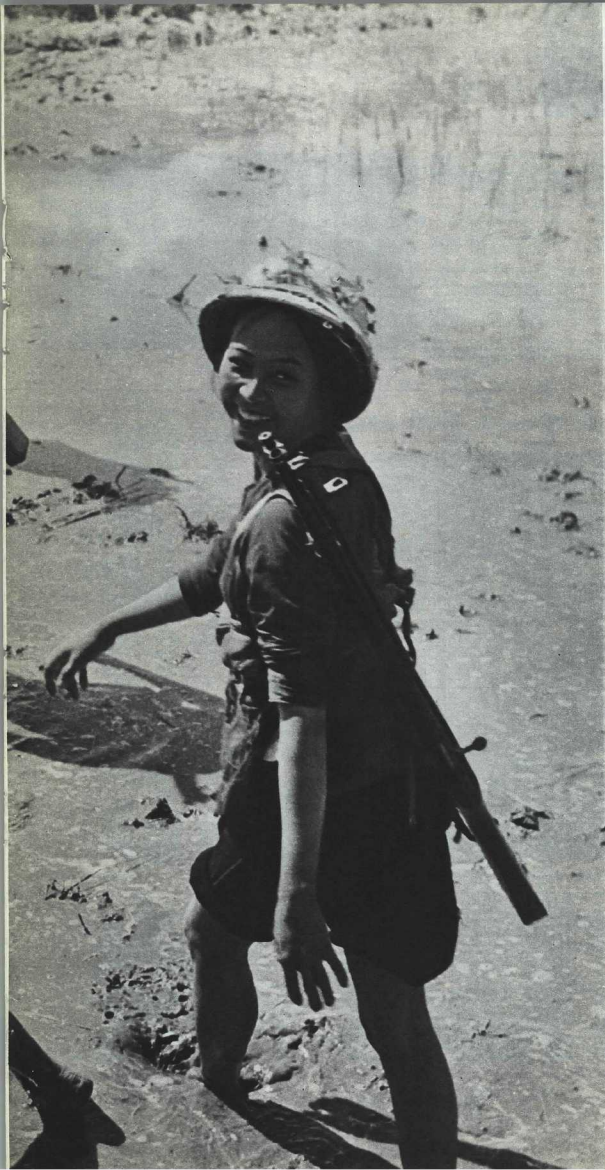
— О чем писать? Война ведь. Я всеяслел: нулежи она подумала, что я все еще не разучился стесняться! — Ты поступила в консерваторию?

— Нет. Работаю табельщицей на швейной. Папа погиб. Мы остались с мамой. Я не могла ее бросить и уехать.

Я вижу у нее скрипку, уложен в футляр. Я видел, что Лидус улыбалась, когда я меня поцеловал в щеку. Я видел, что Лидус улыбалась, когда я мм пошел через опустевший перрон к выходу в город. Я улыбнулся, потому что какой-то солдат сказал другому:

— Видял кому со скрипкой? Лучшего трофея в Германии не нашел. Чудак он!..

МИР МОЛОДОСТИ

В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

Трудовой фронт Вьетнама.
Фото Льва ПОРТЕРА
(Фотохроника ТАСС)

Несколько лет назад Римский театр юного зрителя поставил пьесу-сказку Михаила Светлова «Лавдатель лет сплут». На премьеру актеры дан «разрешили» публику, что после окончания спектакля много не хотел покидать зрительный зал, и артисты вынужденны были... продолжить представление — они выходили на сцену и читали стихи Михаила Светлова.

С того дня театром овладела мысль исполнить в репертуар пьесу о самом Актуре и самом Светлове, и такой спектакль, поставленный режиссером А. Шалиго, появился.

Актуре — «Человек, похожий на самого себя» — Зинович Палерный — сказал мне, что он был «ручной, которой писал весь театр» — стоило велико было желание труппы создать пьесу об одном из самых больших поэтов современности...

Свою новую работу Римский ТЮЗ привез в Москву и показал в помещениях Московского театра юного зрителя. Это был удивительный спектакль — трогательный, теплый, необычный по форме и по самой своей сути. Слева поэзия и проза восхитительного образ Светлова — поэта, человека, воина. Со стороны звучали лучшие стихи, получившие всемирную известность: они парализовали остроумными иронизмами, и репликами Светлова и воспоминаниями о поэте его друзей — Я. Смелянского, М. Алигер, Б. Валиана, П. Казановой, Н. Федосина, И. Любиданской, А. Сланового.

Трудно кого-либо выделить из интересного ансамбля — краткого и слаженного. Артисты играли с подкупающей искренностью и увлеченностью. В их исполнении изумительная световая лирика сверкала всеми своими гранями.

Ал. ЛЕСС

На снимке: сцена из спектакля.

Фото автора

В жизни всегда бывает так: знаешь, согреть людей дайные большие искусства, а у нас где-то в другом месте несет свои немые бумажки, и вдруг ставит новое зеринко человеческого духа. Таинственной преградой жизни светится огромный кристалл искусства.

Очень талантливого маленького девочке, которая доставала мне такое большое удовольствие своей правдой игрой. Пусть останутся с тобой всегда мои искренние бумажки, и пусть тебе будет лучше, — написал Ван Клиберна 12 марта 1898 года на своей фотографии. Если известно, что в 1948 году Ван Клиберна получила первую премию на Международном конкурсе имени П. И. Чайковского в Москве. Но не так известно, что фотографией этой надписи он подарил Олеся Ларченко, ученице юного класса Центральной музыкальной школы Московского консерватории. А это было так.

Поздно ночью собрались участники конкурса в Большой зале консерватории послушать учеников ЦМШ. Олеся, как самая маленькая, играла первой. Глазчатая исполнением и вниманием музыкантов, она не заметила, как Клиберна взошла на оркестр и приблизилась к ней. Скорее, она испугалась, чем поняла, когда pianist, прижавший сердца молчалив, «оборвался» на нее своей искренней восторг.

Олеся растала старейшим педагог школы А. А. Боброва. У нее тогда в своем маленьком исполнителе музыкальность артиста и умение давать образ. Теперь Олеся — студентка четвертого курса консерватории, кафедра профессора Я. Ф. Олдер. Мовет, строгое классическое образование личности ее детским непосредственностью. Или, возможно, ей надежды науки, и она спела впереди студентскую торжеству нужно убедить, что скоро сессия и необходимо много играть? Педагог Олеся И. М. Давыдова просит девушку походить в коридоре, и я выслушаю целый поток.

Олеся очень много играет, у нее огромный репертуар, она всегда в форме: все музыкально, «все в пальцах».

Да, понимаю, — знаю я, мне стало приходить видеть музыку, которая ничем не интересуется, кроме...

Играет Олеся...

Десять лет назад...

Олеся Ларченко.

Совь лет назад в небольшом итальянском городе Парме на международном фестивале студенческих театров неожиданно была нарушена одна из основных заповедей фестивального ритуала. Устаивалась требовалось, чтобы один участник состязания не имеет права выступить перед париской публикой больше одного раза. Устав был нарушен по требованию артиста Юрия выслушавшим Московского хореографического училища выступившим перед парискими центральными искусства. Через несколько дней после этого пришлось заново повторить свое концертную программу. Среди участников конкурса была и молодая восточная танцовщица Московской балетной школы

Нина Соронина. Парисским фестивалем, свалившись ее танец в дуге из балета «Пляжа Парина» со «исключением иристого шампанского», открывалась первая страница ее творческой судьбы. Сейчас Соронина — одна из ведущих танцовщиц Большого театра.

От чего зависит успех артиста у зрителя? Конечно, от таланта. Но талант для балерины — это не просто способность грациозно продвигаться под музыку танцевальными движениями, так же как талант для певца — не только виртуозное владение голосом. Ни один артист не становится еще настоящим творческим художником, если он не имел своей творческой темы, если его тема не соответствовала времени.

Педагог возмозлованно перебивает мене.

— Что вы, Олеся совсем другая. Ее можно встретить на всех вечерах, где звучит интересная музыка. Потом, у нас Петербург по всем предметам она отличница, увеличивается общественной работой. Она член комитета комсомольской организации консерватории.

— А когда же она играет?

Всегда Михайловна улыбается.

— Видите ли, она, наверно, играет за сцену своего отца. И в праздники. Ну, в общем, Олеся никогда не говорит, что не успела, не выучила... Она хочется уметь. Олеся, по-любому... Иду по снежной Москве и думаю, что все-таки лучше всего послушать игру Олеся...

И тот вечер я действительно почувствовал, что все сомнений неопытности.

Олеся играла. Звонкие, точно выверенные поведомой мерой звуки залетали ре-мажорной ноты Модарте, сменялись печальными звуками второй части. Желанным звуком разлетались репетиции листовского этюда.

Олеся несет в себе большой заряд искусства, который необходимо выпустить, подарить людям.

И вот я на концерте. Играют студенты консерватории. Вечер посвящен французской музыке. Олеся исполняет три весталы Дебюсси «Натюр», «Вечер в Гренобле», «Сяди под дождем».

Снова влещики и лютня растворяющиеся гармоний острожно бежит Олеся мелодический рисунок. «Натюр», Любозно расширяет танцующую, утомленную от зной, замаскированную и дышащую ритмами Гренобля.

Навидый композитор для нее — мой мир открытий и ощущений. Восторгом она хочет поделиться с людьми. Игру не убождает, радуется, узнает образцы.

Олеся скоро окончит консерваторию. Хочется пожелать, чтобы все, с чем ей придется столкнуться, почувствовать пожелания молодой пианистки. Чтоб расхлужились перед ней мощные струны, потому что только среди людей сумеет окрестить и вырваться несомненной исполнительский дар Олеся Ларченко.

Е. КАСАТРИНА

слышал все. И хотя правила на этот счет безвозвратно, судья поступил так, как полагалось ему совести. Спортивный поединок должен быть честным, считал судья, и он был, конечно, прав.

Играть футбольный судья должен быть правильно вынужденным, принципиальным, обладать силой воли. Кроме того, у него должны быть немалое здоровье. В общей сложности расстояние, проходимое судьей за один матч, составляет 12—13 километров.

После окончания такого матча судья теряет в весе более двух килограммов. А ведь за сезон ему приходится судить несколько десятков раз! А теперь поговорим о тех, кто судит хоккей. Их двое: два в полосатых рубашках и в черных брюках. В так бойле под сразу только одного хоккеистов. Судейство в хоккее — до сих пор, пожалуй, более сложное, чем в любой другой игре, даме в футболе. Но в одной игре нет таких жестких правил, как в хоккее.

На льду двое судей. Но не все знают, что это за судьи и за что следят за игрой. По одному находится за воротами. Им только шабаш, случится в воротах, судья наметит на иноуни, и загорится крас-

судья. Опыт оказался удачным и всем понравился.

Примеру хоккеистов последовали гандболисты. До этого соревнования по ручному мячу судил судья с двумя помощниками. Теперь на поле будут двое судей — один помощник. Первый шаг это новшество гандболисты Литвы. Они обратили внимание на то, что основные скандалы происходят в так называемом «коридоре» — между штраф- и девятиметровыми линиями. Игра там ведется в таком высочайшем темпе, что судья трудно заметить нарушение правил. Поэтому помощники у ворот хотя и видели все, но не имели права решающего голоса. Теперь двое полноправных арбитров поедания площадке попадают — от «своих» ворот приблизительно до зоны малых штрафных.

Как видите, не только в хоккее, но и в других видах спорта ведутся поиски совершенного судейства. А это идет на пользу всем — и спортсменам и зрителям.

Вы на соревнованиях по фигурному катанию? По зеркальному льду скользят фигуристы. Голосоружительные прыжки сменяются шагами, легкими, грациозными прыжками. Это музыка,

бывает девять судей. Их коллективное мнение и позволяет определить сильнейшего.

В фигурном катании судейство ведется по десятибалльной системе. Шесть баллов — наивысшая оценка. Особенно сложны судить произвольную программу, исполняемую под самые различные мелодии, в разном темпе. Здесь судья учитывает формуально все и соединения основных элементов — прыжки, прыжки, шаги — и художественную выразительность, умение артистически исполнить. Судьи устанавливали, насколько фигурист постиг физические законы движения, от которых, как известно, зависит виртуозность и уверенность спортсмена, особенно в сложных прыжках с несколькими оборотами вокруг вертикальной оси, в слонских вариациях шагов.

Каждый судья выдает свою оценку независимо от коллег. Естественно, у каждого свое восприятие прекрасного. Потому же большинство оценок совпадают. В таких случаях победитель расставляются в таблицу по большинству оценок.

Прежде чем показать судейской коллегии и зрителям таблицу с оценкой, судья записывает эти не цифры

В спорте то и дело приходится встречаться с мнимыми и смущающими, метрами и сантиметрами, граммами и иннограммами. Это основные мерки мастерства в легкой и тяжелой атлетике, в плавании, велосипедном спорте... Иное дело — в гимнастике. Здесь свои критерии. В правилах сказано так: «Чтобы определить спортивное достижение и вынести правильное, точное, объективное правильное баллы, судья должен определить величину сбавки за ошибки».

Каждый судья — человек олимпийский. И делает он это исключительно во имя истины, для того, чтобы нам точнее определить победителя. Вот спортсмен выполняет произвольный упражнения на брусьях. Здесь и salto, и стойка на кистях, и дуга с поворотом, и уносы, и руги. Здесь и новые, трудные элементы и сложные комбинации. На ваш взгляд, все это он выполняет четко, без ошибок. Но не слышите с выходящим Висителем гимнастикой должны согнутые колени, слегка расслабленные плечи, и вычурно вычурно. За это судья обязан сбавить баллы. Все упреждения в гимнастике оцениваются от 9 до 10 баллов с вычитанием до 0,1 балла. Наивысшая оцен-

Судья всегда на перебой лиши, в семоз центре спортивной площадки. И близко тогда, когда они сидят в стороне, наблюдая за работой своих коллег. Ведь и тогда они судят, но только... судей.

Ю. А. ВОИНИНА

ная лампочка. Еще двое судей дежурят с секундомерами в руках. Один из них — хранитель чистоты времени. Обратят внимание на слово «чистое». Это значит, что судья-счетчик должен выключать секундомер одновременно со свистком судьи, останавливающим поочередно игроков. Завест, сильно таных остановкой бывает в каждом матче? Омло ста, з то и слышать. Штрафы судья считает за штрафное время. Он свистит рядом с игроком, который нарушил правила и намок получив за это наказание, иго и на нацию минуте завест шабашу.

Севь судей — не слышим ли это много? Оказывается, нет. Игра настолько стремительна, а шабаш так мала... Двое северных судей, в обязанности друг из них — полевые, приходится трудно. В прошлом году была опробована новинка. На ледяную площадку вышел третий полевой

полевой, воплощенный в длиннечках. А люди в строгих костюмах, сидят у самой границы льда, что до сорозаботки записывают в свои блокноты. Потом они показывают таблицу. На ней цифрами — цифры. Прислушавшись к каждому цифру разговаривают и ваши секунды по трибуны, делаются обманчивые впечатлениями от выступления фигуристов.

Как же так, разве можно искусство оценивать манитом-то баллами! При чем здесь дуги, терьеры!

А теперь переключимся на совершенно другое — в баллах оценку умрающего лебедя! Об этом даже подумать смешно. А вот в фигурном катании и в художественной гимнастике так можно и даже необходимо, потому что здесь мы имеем дело со спортом, а спорт немалым был соревнованиям, а следовательно был сопоставления результатов. И если это так, то необходимым до тонкости зноее свое дело судья. На соревнованиях по фигурному катанию обычно

на отдельном листе и передает его специальному проверющему арбитру.

Кроме оценки, судья определяет место каждого фигуриста в соревновании. Потому же большинство оценок совпадают.

Подсчеты оценок в фигурном катании невероятно сложны и запутаны. Ведь каждая фигура обязательной программы имеет свой коэффициент трудности, который заносится на балл. выставленный судьями, а потом... Однако, раньше на все это математик ухрился так много времени, что победители обещали чуть ли не миллионы, теперь вышедшая специальная машина стала непререкаемым членом судейской коллегии. На все подсчеты ей нужны считанные секунды.

Так обстоит дело в фигурном катании. А в спортивной гимнастике? Не думайте, что там судить легче и проще.

В то время, когда вы, затая дыхание, следите за выступлением гимнастки, рядом с помощником сидят люди, которые только и думают о том, чтобы набить у него... оценок. Иного не пожелав, это их род, на то они и судьи.

на — 10 баллов. Это значит, что гимнаст не допустил ни одной, даже самой незначительной ошибки. Такую оценку, да и любую другую, без ошибок лишь самим выдающиеся мастера. Все упреждения гимнастик должны выполняться не только безупречно, но и с вычурно вычурно. Если нет выразительности движения, если гимнаст неуверенно чувствует себя, нечетко победит и скараду, если у него плохая осанка или он двигается нечетко, судья снижает оценку на 0,1 — 0,2 балла.

...Наш рассказ о судьях подошел к концу. Может быть, завтра вы отпритесь, посетите соревнования сами. Будете их участником. Отнеситесь с вниманием к уважению и решению судей. Ведь если бы наши судьи были синхронистами и прыжками даже самые великие олимпийцы, то советские спортсмены никогда не добились бы больших успехов на международной арене и вряд ли имели бы наших чемпионов уродили бы списки победителей олимпийских игр, чемпионов мира и Европы.

За это индий поклон им, строгим, высказательным, справедливым судьям!

А. СТЕВ

В то воскресенье утро Георгий Урамский позвонил себе спать спокойно душе угодно. Ленная дрова смылила вени.

Георгий сладко потянулся и открыл глаза... Какое-то неясное, тревожное чувство заставило омоничательно пробудиться и посмотреть на часы. Ого! Одиннадцатый час!

Георгий решительно откинул одеяло и, проведя ноги в шланцы, в трусах и майке побегал в парадную, к почтовому ящику. Взялся он с пачкой газет и немедленно развернул первую из них, проглядывая заголовки статей и телеграмм. Застряли все на кухне: мать, отец и Георгий. — завтракали неторопливо, по-воскресному, обмениваясь вслихими новостями.

Потом Георгий, закурился, ушел и себе. Надо было закончить решение для своей газеты на книгу одного местного автора. Но работа не шла, на сердце было тревожно.

Георгий вдруг ощутил нестерпимое желание

бежать куда-то, что-то делать, с кем-то немедленно поделиться своей тревогой.

Может быть, пойти и этому Семенову и поболтать... Или позвонить Бордунову? Неудобно. Воскресенье все-таки.

Неожиданно зазвонил телефон в передней, и Георгий, высочая из-за стола, побегал и двери.

— Слушаю, — нетерпеливо сказал он в трубку. — Это... Георгий? — раздался в ответ робкий девичий голос, заставивший его вздрогнуть.

— Да, да! Это я! Марина!

— Да...

— Мариночка! Где вы? — срывающимся голосом закричал Георгий. И хотела...

— Я... я получила вашу записку. И хотела...

— Сначала снимите, где вы! Откуда вы звоните?

— Я не знаю... — еле слышно прошептала девушка.

— То есть как не знаете?

— Я в одном доме... адреса я не знаю... я вам хотела сказать...

— Постоите, постоите! Сначала приежайте скорее домой! Мы вас так ждем!

— Нет, нет, я не могу приехать! — испуганно воскликнула она.

— Ну хорошо. А я вам можно позвонить? Куда, где вы сейчас? Какой у вас номер?

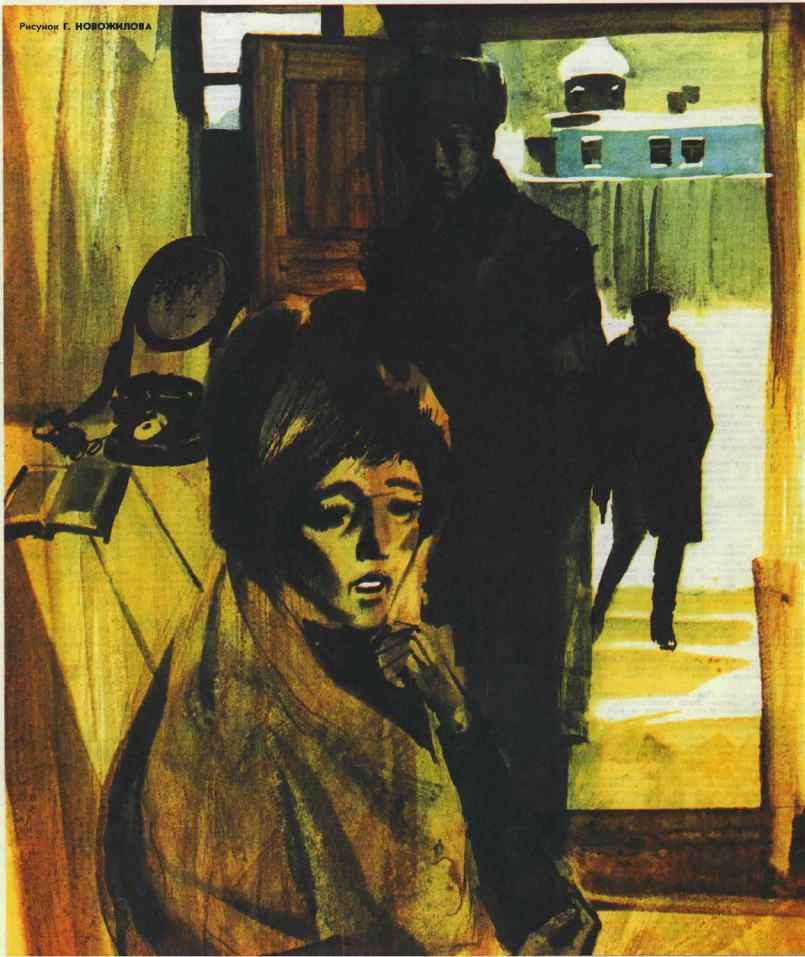
— Я не знаю... — с иним-то отчаянием отдала девушка и вдруг торопливо добавила: — Ой, ну! А я вам хотела сказать, чтобы вы меня не искали...

— Маринка! — вдруг закричал Георгий. — Что вы видите в окне?

Он сам не понял, почему задал этот нелепый вопрос.

— И! — В голосе девушки прозвучало удивление. — Национальный военный домик... А за ним церковь... — И она прошептала, очевидно, прикрыв ладонью трубку. — Прощайте, Георгий. Больше нельзя говорить...

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

ОЛЕШКИ

В Ленинграде родилось удивительное зрелище, радующее праздничностью, обаянием молодости, свежестю исполнения. Это самый юный в стране балет на льду — спевалики, ирланд и вальсовый, поставленный с выдумкой и вкусом.

Но сколько трудностей, сколько волнений и разочарований пришлось пережить артистам балета! Вадю Стрельный, возраст артистов — 18 лет, и большинство из них имели раньше очень смутное представление о хореографии, основах актерского мастерства, технике грима и других театральных процессах. И не удивительно: из шестидесяти девяти человек, прошедших институтский, тщательный отбор (в конкурсе участвовало семьсот человек), зачисленных в труппу, еще совсем недавно мало кто связывал свое будущее с деятельностью профессионального артиста. Волею Андреев, например, хотел стать авиационным техником, а Манне Артох и Светлана Петрова предпочли сменить унылосонные специальности преподавателя музыки и мастера троп-

лейбусного парня на новую профессию — артистов балета. И тому же наивный третий артист балета учился в школе. Поэтому в актерском фойе можно увидеть такие объявления: «Родительский комитет сообщает...» или «Дополнительные занятия по алгебре состоятся...». После окончания репетиции у подъезда нового Дворца спорта «Юбилейный» останавливается автобус, в котором рассаживается целая ватага мальчишек и девочек — школьный класс, двадцать два артиста ленинградского балета на льду. В маршрутной карточке автобуса значится: «Дворец спорта — 82 лет, вечерняя школа».

И все-таки, несмотря на юность, все участники балета, пришедшие в труппу из ленинградских спортивных обществ «Динамо», «Труда», «Юности», «Спартак» — достаточно опытные фигуристы. Во всяком случае, подавляющее большинство ребят имеет первый разряд. Почетное звание мастеров спорта носят солисты балета Ирина Филиппова, Наталья Рыбанова, Михаил Ка-

миннов, Владислав Шевляков.

Но, хотя у ребят и высокие спортивные ранги, готовить первый спектакль было очень трудно. За несколько месяцев пришлось усвоить сложную, разнообразную по стилю программу. Сутьта самая: здесь и хореография, построенная на музыкальных композициях XIX и начала XX века («Сюита в голубом» Шопена, «Шехеразада» Римского-Корсакова, «Прелюды» Сирябина) и на музыке современных композиторов: тут и «Танец с саблями» А. Хачатуряна, «Русский суверен» А. Петрова, «Завоеватель» Л. Пригожина. Молодым исполнителям трудно было овладеть артистической пластикой, следовательно отличающейся от спортивной профессией, выходя в образ и т. д. Кроме того, склонность заигрываться и в смене канцелярской вахеры хореографического рисунка по мере дименция спектакля от одной миниатюры к другой. В эти дни труппа работала в жесткой графике, приходилось репетировать по шестидесяти часов в сутки. Для молодых ар-

тистов этот период был серьезным испытанием на зрелость искусства, твердость характера. И нужно сказать, что ребята с честью выдержали экзамен.

Большая ответственность ложилась на каждого участника спектакля в связи с одной особенностью программы, особенно ленинградского балета. Принцип построения миниатюр в спектакле основан на массовости, групповой хореографии, а не на «системе звезд», солирующих в программе, как это принято в западных репертуарах. Естественно, но всему ансамблю, а и кордебалету в особенности, были предъявлены строгие требования. И немалая заслуга балетмейстеров, участвовавших в спектакле, — И. Чернышова, В. Катяева, Д. Кузнецова и других — в том, насколько по-балетному грамотно работает кордебалет труппы.

Удивительно легко, прозрачно построена «Сюита в голубом» в постановке балетмейстера Д. Кузнецова. Сюита открывает спектакль, и эта не случайно. Создана по мотивам хореографии

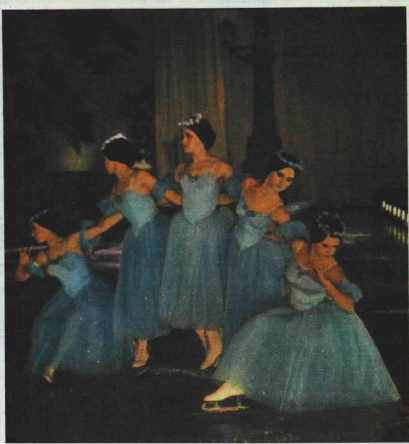
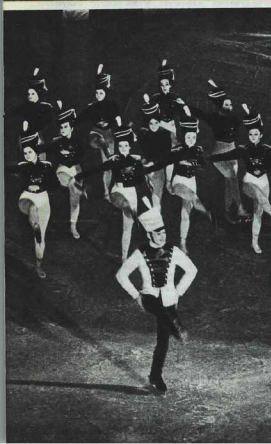
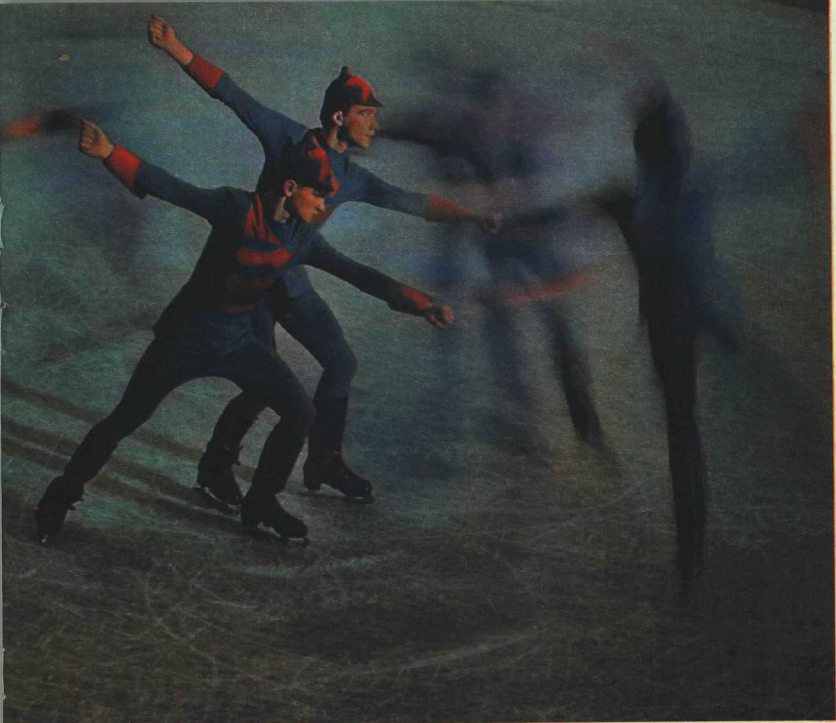

ТАЧАНКА

ПОЧТИ КОРРИДА...

«КАРМЕН»

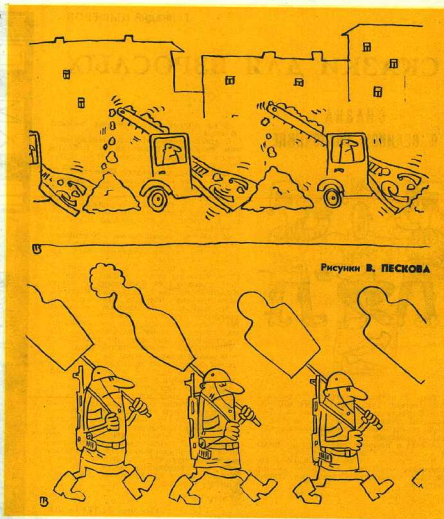
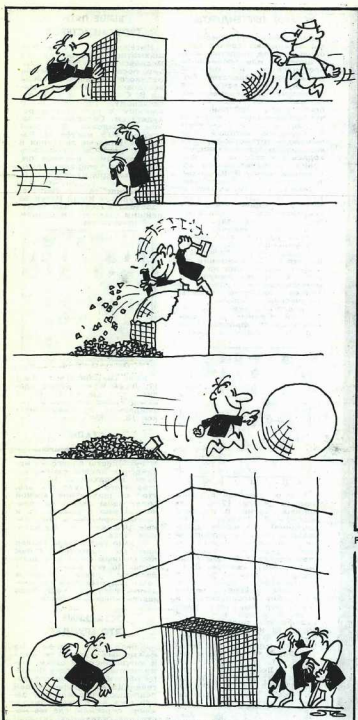
«СЮИТА В ГОЛУБОМ»

выдающегося русского балетмейстера Михаила Фокина, она как бы символизирует превращение традиций русского балетного искусства, «Смита в голубов» является программным номером в репертуаре колледжа. В ней с особенной силой выразилось стремление балетмейстеров нового ансамбля творить прежде всего по законам балетного искусства. Поэтому ленинградский труппа с полным основанием может быть названа «ледяным балетом», а не ревью.

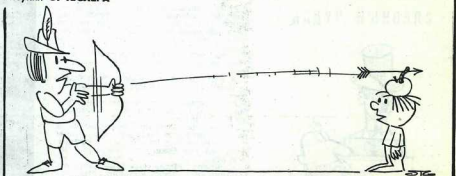
Программа ленинградцев состоит из нескольких миниатюр, поставленных разными балетмейстерами, но, несмотря на различный почерк, в спектакле существует единый стиль. В этом заслуга творческих руководителей балета — художественного консультанта народного артиста СССР, лауреата Государственных премий И. Сергеева, главного балетмейстера К. Борсигно, музыкального руководителя и дирижера Л. Коркина, тренера по фигурному катанию Э. Бангальского.

Каждый вечер зажигаются огни спортивной арены, каждый вечер идут спектакли, а по утрам, на репетициях, готовится новая программа.

Рисунки В. ПЕСКОВА

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

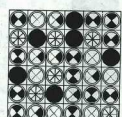
1.

16	15	17	14	
32	33	31	34	

Числа расположены в определенном порядке. Попробуйте разобраться в этом порядке и впишите пропущенные числа в пустые клетки.

2.

Каждую из восьми фигур превратите в квадрат. Для этого нужно лишь одним движением ножниц разрезать любую фигуру на две части по прямой линии, и соответствующим образом сложить получившиеся две части. Как это сделать? Посмотрите на фигуру 8, которая приведена в качестве примера. Превратите все остальные фигуры в квадраты.

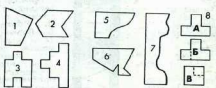

3. **МОЗАИКА**

В 26 клетках мозаики вы видите знаки шести различных видов. Смонтируйте ли вы удивите эти знаки таким образом, чтобы они не повторились ни в одном ряду по горизонтали и вертикали (знаки можно заменить цифрами)?

Первая страница обложки. Студентка Софийского государственного университета Руки Коларова.

Фото М. МУРАЗОВА

ОТВЕТЫ НА АВАНВИТОРИНУ, ОПУБЛИКОВАННУЮ В № 4.

На снимках вы видите:

1. учебно-тренировочный самолет «УТ-2»;
2. турбо-реактивный самолет «ИЛ-62»;
3. турбо-винтовой самолет «АН-10»;
4. учебно-тренировочный пилотажный самолет «ЯИ-18»;
5. вертолет «Ми-10»;
6. турбо-винтовой самолет «ТУ-114»;
7. турбо-реактивный самолет «ТУ-134»;
8. турбо-винтовой самолет «АН-10».

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: В. Н. Ганичев, А. Д. Голубев (заместитель главного редактора), Е. А. Долгатовский, К. Н. Замощкин, Р. Ф. Казаков, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), Е. И. Рабчинко, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стунов (главный художник).

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделы: литературы и искусства — Д 1-32-84; очерка и публицистики — Д 1-03-51; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фототарна и рисованья — Д 3-30-87; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 0-29-39.

Художник-оформитель О. Теслер
Технический редактор И. Будкина

А 00021. Печисание и печать 1961 1988 г. Формат бум. 70 x 108/16.
Усл. пец. л. 5,8. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000. Изд. № 404. Заявка № 325.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

По земле нас качает
На крутых большаках.
Кружат звезды, как чайки,
В наших рыжых зрачках.

У таежной речушки
Спим от дома вдаль.
Вместо теплой подушки
Под щекой — полземли.

На судьбу понадеясь
И тревожным доверясь
ветрам,
Ни строки, ни строки по
неделям
Мы не пишем своим
матерям.

За горами-песами,
Где-то в дальнем краю
И взрослее мы сами,
И заводим семью.

Дни быстрее сазаков
С горки времени мчат.
Жаль, без бабьих сказок
Мы растим малышат.

На судьбу понадеясь
И тревожным доверясь
ветрам,
Мы молчим, мы молчим по
неделям
И приветов не шлем
матерям.

Каждый с горем не венчан,
Но в положенный час
Покидают навечно
Наши матери нас.

Только все же на свете
Греет нас неспроста
Материнское сердце
И его доброта.

На судьбу понадеясь
И тревожным доверясь
ветрам,
Как же мы ни строки по
неделям
Не писали своим матерям!

ГДЕ-ТО В ДАЛЬНОМ КРАЮ...

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО

Музыка Романа МАЙОРОВА

Музыкальная партитура песни «Где-то в дальнем краю...». Включает вокальную партию с русскими текстами и фортепианное сопровождение. Музыкальная форма включает в себя куплеты, припевы и репризу. Стиль — народно-романсовый.

КРОССВОРД

По горизонтали:

- Спортивная игра.
- Комсомолец-партизанка, Герой Советского Союза.
- Город на севере Италии.
- Жилище индейцев Северной Америки.
- Город на берегу Инда.
- Народная поэтика Литвы.
- Советская писательница.
- Певец, один из первых народных артистов республики.
- Остров у берегов Ньюфаундленда.
- Подразделение из нескольких оружий.
- Повесть Л. Сейфуллиной.
- Советское спортивное общество.
- Лугочей.
- Полонез.
- Положение, принимаемое без доказательств.
- Отрасль геологии.
- Горы греческой филологии.
- Высокое плоскогорье.
- Древнегреческий философ.
- Зависел от тучной тлани.
- Азбука.
- Персонаж из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко».

По вертикали:

- Частица аэнтромдугнитного излучения.
- Земельно-строительная машина.
- Земельный высеиватель на газонах.
- Деталь телевизора.
- Выстроковое судно.
- Южное плодородное дерево.
- Автоматическая советская республика.
- Автор слов «Песни о Кавказе».
- Оперетта И. Кальмана.
- Автор новеллы «Маршен».
- Печатная машина малого формата.
- Шахматный ход.
- Саванное соловьище.
- Система мелких заливов у берегов Крыма.
- Промысловая морская рыба.
- Горнштейновое вокально-инструментальное провозведение.
- Одно из названий ургана.
- Серый медведь.
- Оборудованное место для показа экспонатов, образцов товаров.
- Чешский композитор, дирижер.
- Дендротанное растение, цветет.
- Русский писатель XIX века.
- Питом Белого Нила.
- Русская народная песня.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

- Погоди.
- Томарев.
- Работовоски.
- Лазо.
- Перепол.
- Анда.
- Земля.
- Номер.
- Вороси.
- Бровни.
- Добор.
- Литва.
- Дени.
- Вучетич.
- Нева.
- Александров.
- Сержант.
- Шолохов.

По вертикали:

- Повстан.
- Титан.
- «Ковен».
- Перископ.
- Торона.
- Век.
- Полон.
- Возмездие.
- «Партитан».
- Плостов.
- Полониз.
- Алексеев.
- Грешад.
- Левинсон.
- Рубин.
- Линде.
- Сно.
- Носов.

Составила М. ЗАМУДИЛКИНА,
Выпускница АССР

ТУЛА

СТАРИННЫЕ ГЕРБЫ РУССКИХ ГОРОДОВ

СМОЛЕНСК

ТОБОЛЬСК

КУРСК

Гербы русских городов строгии и определенные, образны и поэтичны. И в наши дни известны слава курских соловьев,— изображение этих трех птиц хранит герб города Курска. Современный грузовой автомобиль, турбинный стронок, с фигурой медведя на радиаторе, проносит по стране частицу традиционного ярославского герба. В старину он изображал поднимающегося на задние лапы медведя. А Быстрая «Волга» с фигурной ачащегося оленя не только подтвердила единство, но и внесла современную коррективу к древнему гербу Нижнего Новгорода, изображавшего более спокойного красавца оленя.

По гербам русских городов можно вспомнить и трудовое прошлое нашего народа: в гербах оно отобразено орудиями труда, изделиями ремесел, продуктами промысла. На гербе Тулы — рабочий инструмент, Смоленска — соль, Петербурга — жорь и морская «кошка». Но порой эмблема герба избиралась в прямом соотношении с названием города. Для города Мелнино — мельница, Гороховца — горох, Мадникова — ядка, Стародубска — большой расщепленный дуб.

Первые русские гербы городов появились в XVII веке. Они были присвоены самым старым, маленьким вековым традициям и славную историю городам. Источником для первых гербов послужили знания и изображения, традиционно связанные с бытом и прошлым этих городов. Эти изображения задолго до гербов появились на печатях городов, на их боевых знаменах. Города менее значительные получили свои гербы в более поздние времена. В основном в 1723—1727 годах, в эпоху Петра Первого. Мы знакомим читателей со старинными гербами двенадцати русских городов.

В наши дни молодежь, активно участвуя в грандиозном строительстве нового общества, не отказывается от того, что было создано народом на протяжении многовековой истории Русского государства. Молодые представители московского клуба «Будинка» тщательно изучают и собирают то, что сохранил народ до нашего времени,— лучшие образцы изобразительного искусства. Гербы русских городов есть часть его. И хорошая традиция в том, что они нашли свое место в современной жизни, ставшая как бы мостиком между славными нашими предками и молодыми строителями будущего.

В. ГРАЖДАННИН

ВОРОНЕЖ

ТОМСК

ПЕНЗА

ТАМБОВ

ОЛОНЕЦ

ЯРОСЛАВЛЬ

НИЖНИЙ НОВГОРОД

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ